

СОДЕРЖАНИЕ:

Кончина Пальмина.—Замѣтка.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника. Музыкальныя замѣтки. *II. Юнорозовскаго.*—Дузе и Дунканъ. *A. Ростиславова.*—Памяти И. О. Пальмина. *I. II. Эфроси II. С. Савтлова. III. Я. Семенова-Самарскаго.*—Замѣтки. *Пото погиз.* Новая изданія „Театра и Искусства.—Провинциальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: М. Гай и Розановъ въ „Карменъ“, † И. О. Пальминъ (2 порт.), И. О. Пальминъ въ театр. бюро, Элеон. Дузе (2 рис.), „Король“, (2 рис.), Дунканъ (шаржъ), „Д'Анунцио читаетъ новую пьесу“.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1908 года.

Кончина И. О. Пальмина не только трагична по обстановкѣ на другой день послѣ шумнаго пира—она полна глубокаго значенія для всего театральнаго міра и, въ частности, для Театральнаго Общества. Что бы ни говорили и какъ бы въ тихомолку ни злословили про покойнаго, отдавашаго всю свою жизнь благодарнѣйшему изъ занятій, И. О. Пальминъ былъ, по англійскому выраженію, — „настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ“. За его дѣятельность и способности говорятъ факты, а ихъ не вырubiшь топоромъ. Недавно скончался А. А. Ярцевъ, бывший управляющій бюро—и мы знаемъ, какъ были скудны итоги дѣятельности бюро при немъ. Расцвѣта бюро достигло при Пальминѣ, и значитъ, было нѣчто въ его личности, въ его дарованіи, въ его обширныхъ знаніяхъ, что дало такой толчокъ развитію бюро.

Пальминъ былъ настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ, и замѣнить его будетъ очень трудно, если это возможно. Для Театральнаго Общества смерть Пальмина—самый сильный ударъ, какой могъ его постигнуть. Мы боимся, что со смертью Пальмина, который своею огромною популярностью служилъ соединительнымъ звеномъ среди сценическихъ дѣятелей, а своимъ тактомъ смягчалъ недостатки скрипучаго механизма Театральнаго Общества, распадъ послѣдняго, многіе признаки котораго уже давно наблюдаются, пойдетъ быстрыми шагами. Не слѣдуетъ забывать, даже съ точки зрѣнія чисто финансовой, что весьма значительная часть членскихъ взносов поступала только потому, что актеръ и антрепренеръ не могли себя вообразить постомъ внѣ бюро, а въ бюро—внѣ Пальмина. Театральное Общество, правда, ежегодно приплачивало на содержаніе бюро, но трудно учесть, что въ свою очередь бюро давало Обществу, и великъ ли былъ бы контингентъ его членовъ, если бы не бюро.

Смерть Пальмина, повторяемъ, создаетъ острый моментъ въ жизни Общества. Достаточно изнуренное дефицитами и совершенно неприспособленностью своего бюджета и скрипучаго механизма къ новымъ требованіямъ жизни и условіямъ финансового существованія, Театральное Общество можетъ, при неудачной замѣнѣ И. О. Пальмина, оборвать послѣднія связи свои со сценическимъ міромъ. Вопросъ крайне серьезный,—гораздо болѣе серьезный, чѣмъ игра самолюбій въ нѣдрахъ управленія...

Теперь моментъ обсудить мнѣнія сценическаго міра о самомъ устройствѣ московскаго бюро. Неоднократно раздавались голоса объ учрежденіи особой комисіи для надзора за дѣятельностью бюро. Нерѣдко высказывалось сужденіе, что управляющій

бюро долженъ быть лицомъ выборнымъ. Съ другой стороны, есть мнѣніе, что Театральное Общество не имѣетъ возможности приплачивать на содержаніе бюро и потому должно повѣсить комисіонный %о, и что задача бюро—заботиться о качествахъ сдѣлокъ, а не о количествахъ ихъ. Одновременно (о чемъ мы уже писали) всѣ высказываютъ недовольство такъ наз. нормальнымъ контрактомъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, надлежитъ немедленно пересмотрѣть.

Брешь, которую произвела безвременная кончина И. О. Пальмина,—велика; ее нельзя заткнуть простымъ номеркомъ исходящей бумаги, въ которой будетъ написано, что вмѣсто И. О. управляющимъ назначается Имярекъ. Если въ Театральномъ Обществѣ остались еще какія нибудь силы—мы говоримъ о моральныхъ, жизненныхъ силахъ—то сейчасъ самый настоящій моментъ проявить ихъ. Нужна энергія, инициатива, творческая способность.

Весьма возможно, что Совѣту Т. О. положеніе вещей рисуется совершенно иначе, и что въ кончинѣ Пальмина онъ лишь усматриваетъ печальную и тяжелую случайность. Мы смотримъ иначе. Кончина Пальмина чревата послѣдствіями, и такъ какъ, при нынѣшней неустроенности актерской „громады“, при нынѣшнемъ разбродѣ и нынѣшней центробѣжности, сохраненіе Театральнаго Общества, даже въ скрипучемъ состояніи, даже при невозможности пересоздать его, все же представляется намъ необходимымъ—мы приглашаемъ Совѣтъ Теат. Общества подумать о будущемъ и серьезно вникнуть въ положеніе вещей.

Еще два слова. Мы получили нѣсколько случайныхъ заявленій относительно желательныхъ кандидатовъ. Мы бы предложили испробовать старый способъ плебисцита, однажды уже давшій хорошіе результаты—именно баллотировать кандидатовъ по труппамъ, и результаты голосованія сообщить въ редакцію. Еще желательнѣе было бы сообщать при этомъ свои соображенія о переустройствѣ бюро и неотложныхъ въ немъ реформахъ.

Въ „Руси“ помѣщена замѣтка слѣдующаго содержанія:

Мы уже однажды указывали дирекціи Императорскихъ театровъ на явное нарушеніе кассирами смысла выдаваемаго редакціямъ удостовѣренія на право полученія билетовъ. Удостовереніе, оплаченное гербовымъ сборомъ, гласитъ совершенно опредѣленно, что билеты сохраняются до 3 ч. дня кануна спектакля, при этомъ никакихъ оговорокъ о бенефисахъ не дѣлается. Слѣдовательно, кассиры обязаны сохранять эти билеты. Г. Теляковскій, однако, пропустилъ мимо ушей наше справедливое и законное указаніе, и билетъ „Руси“ на бенефисъ г. Давыдова проданъ, какъ былъ проданъ билетъ на бенефисъ г-жи Стрѣльской. Вообще, бенефисы, при которыхъ бенефициантъ получаетъ всѣ билеты и распредѣляетъ ихъ преимущественно между калашниковскимъ купечествомъ, считывая на „бенефиции“,—явленіе дикое, и г. Теляковскій, который такъ желаетъ быть директоромъ-модернъ, прежде всего долженъ былъ бы покончить съ этими пережитками, а уже потомъ бесѣдовать съ интервьюерами о „новомъ стилѣ“. Но даже если допустить эту экспроприацію билетовъ въ пользу богатыхъ друзей, по выбору бенефицианта, то все-таки выданныя дирекціею обязательства сохраняютъ силу. Фактецъ характерный: съ одной стороны сомнѣ интервьюеровъ,—настоящая „Еуропа“, какъ говоритъ въ какой-то исторической пьесѣ г. Гнѣдича, някая въ бороду, московскій бояринъ,—а съ другой—самая настоящая азіатская Азія...

По поводу этой замѣтки, иллюстрирующей, дѣйствительно, „аблесимовскіе нравы“ нашихъ бенефисовъ, а кстати, курьезное отношеніе казенныхъ театровъ къ печати, намъ припоминается возникшій

въ одномъ изъ собраній „союза драм. критиковъ“ (союзъ уже отцвѣлъ) вопросъ о необходимости вычислить и урегулировать отношения между печатью и казенными театрами. Это вопросъ—крайне любопытный.

Если въ „художественномъ институтѣ“ допускаются и поощряются такія „экономическія операциі“, какъ „экспроприация билетовъ“ бенефициантами „въ пользу богатыхъ друзей“,—то „художественный институтъ“ не отличается отъ частной антрепризы. Въ чемъ оправданіе льготъ, которыя дѣлаются въ такомъ случаѣ печати дирекціи?

Впрочемъ, дирекція полагаетъ, конечно, что не ей дѣлаютъ льготы, а она дѣлаетъ ихъ...

Въ пользу семьи И. О. Пальмина. Особая коммисія, въ которую вошли А. Е. Молчановъ, А. И. Южинъ, Н. Н. Спелльниковъ, К. К. Витарскій, В. И. Никулинъ, В. Д. Басмановъ, А. М. Лихтенштейнъ и С. Я. Семеновъ-Самарскій, рѣшила обратиться къ сценическимъ дѣятелямъ съ призывомъ поставить по спектаклю и отказаться отъ однодневнаго жалованья въ пользу семьи покойнаго. На этомъ призывѣ предложено отпечатать портретъ сына покойнаго, которого до совершеннойтѣи Русское Театральное Общество беретъ подъ свое покровительство.

Первый посылъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ уже 9 февраля г. Сабуровъ, который ставитъ спектакль въ пользу осиротѣвшей семьи.

Въ театральномъ бюро началась уже подписка на образованіе капитала, процентами съ котораго предполагается уплачивать 20 лѣтъ страховую премію на стипендію въ 5,000 руб. для сына умершаго И. О. Пальмина—Анатолія. Капиталъ по истеченіи 20 лѣтъ будетъ опредѣленъ на учрежденіе стипендіи при театральномъ обществѣ имени И. О. Пальмина для воспитанія дѣтей сценическихъ дѣятелей въ учебныхъ заведеніяхъ.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

Съ масляной недѣли отправляется въ турнѣ драматическая труппа, во главѣ которой стоятъ гг. Мейерхольдъ и Унгерль. Въ составѣ труппы входятъ г-жи Бужевничъ, Муштъ, Веригина, Волохова и др., г. Аркадьевъ, Неволитъ, Давидовскій, Голубевъ, Зонновъ и др.

Репертуаръ: „Сестра Беатриса“, „Поѣзда смерти“, „Вампиръ“, „Ренессансъ“, „Драма жизни“, „У царскихъ вратъ“, „Грѣхъ“, „Давидъ“, „Балаганчикъ“, „Сѣверные богатыри“ и др. Спектакли начнутся съ г. Витебска. Затѣмъ труппа посетитъ слѣд. города: Минскъ, Могилевъ губ., Смоленскъ и Кавказъ.

— На масляной недѣлѣ въ С.-Петербургѣ состоится оригинальный концертъ финскихъ пѣвческихъ кружковъ, состоящихъ исключительно изъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, любителей хорошаго пѣнія. Эти кружки существуютъ уже давно и имѣютъ цѣлью доставить своимъ членамъ разумное и приятное времяпрепровожденіе.

Программа концерта составлена исключительно изъ національной финской музыки такихъ композиторовъ, какъ Каянусъ, Мериканто, Синори, Вильгрень и др.; участвуютъ 5 хоровъ и одинъ духовой оркестръ, причемъ они выступаютъ, какъ отдѣльно такъ и въ соединенномъ, который будетъ насчитывать около 100 человекъ.

— М. Горькій написалъ новую пьесу „Послѣдніе“.

— Въ театральномъ кружкѣ только и разговоръ, что о смерти И. О. Пальмина. Крайне интересуются вопросомъ объ его преемникѣ. Чаще всего называютъ слѣд. имена: К. К. Витарскій, С. А. Свѣтловъ, А. Д. Лавровъ-Орловскій, Г. Н. Васильевъ (пом. управляющаго), М. Ф. Ромашковъ. Въ письмахъ, полученныхъ нами, назывались и другія имена, напримеръ, В. И. Никулинъ, актеръ-журналистъ Ягелловъ, одинъ предлагаетъ г. Жданова, одинъ—В. А. Линскую-Неметти (!) Послѣдняя кандидатура доказываетъ, какое преувеличенное мнѣніе о „выгодности“ мѣста управляющаго бюро господствуетъ въ нѣкоторыхъ умахъ.

— На собраніи драматурговъ между гг. Рышковымъ, Чириковымъ, Найденовымъ состоялось соглашеніе: съ будущаго сезона за всѣ новыя пьесы, которыя будутъ ими отданы театру Корша, авторскій гонораръ брать съ г. Корша не въ видѣ процентнаго отчисленія съ валового сбора, какъ это практиковалось до сего времени, а перспективно и опредѣ-

ленную сумму. Соглашеніе это послѣдовало послѣдствіемъ различныхъ недоразумѣній относительно суммы сборовъ. Г. Рышкову поручено отъ лица остальныхъ передать г. Коршу о такомъ соглашеніи и рѣшеніи.

— На состоявшемся на дняхъ совѣщаніи Комитета слѣд. по нечительства рѣшено продолжить контрактъ со всеми артистами еще на 1 годъ, кромѣ гг. Дара Владимірова и Владимірова, съ которыми условія подписаны только до 1-го сентября, и г. Петропавловскаго, срокъ службы котораго въ почетельства кончается 25-го февраля.

— Съ будущаго сезона Петербургъ обогатится новымъ театромъ. Предполагаетъ построить его „Театральный клубъ“, занявъ весь обширный дворъ зданія, снятаго въ аренду клубомъ. Соглашеніе владѣльца дома уже получено и скорѣе будетъ объявленъ конкурсъ на проектъ театра, вмѣстимостью въ 700—800 мѣстъ.

— Въ Варшавѣ (по пути въ Америку) изъ труппы г-жи Коммисарженской ушелъ г. Грузинскій.

О. К. Ноговичъ написалъ новую драму „Равнина изъ Сандомира“.

— Дирекціи Художественнаго театра сдѣлана прѣханнымъ въ Москву импресарио лондонскаго Коменгарденскаго театра предложеніе дать въ Лондонѣ нѣсколько спектаклей. Въ принципѣ это предложеніе уже принято дирекціей и ведутся переговоры лишь о деталяхъ условій поѣздки. По желанію лондонскаго импресарио труппой Художественнаго театра будутъ поставлены въ Лондонѣ „Борисъ Годуновъ“, „На дикѣ“ и еще нѣсколько пьесъ, пока еще не выбранныхъ.

— На лѣто театра въ Стрѣльцкѣ и Ливонѣ съѣзды П. М. Арнольдъ.

— Какъ намъ сообщаютъ, на гастроль въ одесскую труппу В. И. Никулина на постъ приглашены М. Г. Савина и Н. Н. Ходотовъ.

— На убѣдѣ В. Н. Давыдова присутствовать почти опранившийся отъ болѣзни П. Д. Ленскій.

Московскія вѣсти.

Лѣтній театръ въ садѣ „Акваріумъ“, отъ аренды котораго на предстоящее лѣто отказалась г-жа Сытова, снимается образованнейшей акционерной компаніей, которая обѣщаетъ въ закрытомъ театрѣ давать фарсы, а въ новомъ открытомъ оперные спектакли.

Театральное бюро намѣрено на Великій постъ снять обширное помѣщеніе освободившагося спортивнаго клуба, которое находится въ томъ же домѣ, въ верхнемъ этажѣ.

— На 13 февраля, въ окружномъ судѣ, назначено къ слушанію дѣло объ убійствѣ артистки Терлецкой, защитникомъ г. Щукина выступаетъ прис. пов. В. А. Макалоковъ.

Г-жа Ермоленко-Южина и г. Южинъ подписали контрактъ на будущій сезонъ въ оперу г. Зимина на окладъ 4,000 руб. въ мѣсяцъ и два полубенефиса.

— Въ труппу Корша на будущій сезонъ приглашена изъ одесской труппы артистка Шухмина.

— 40 представлений „Бориса Годунова“ дали Художественному театру болѣе 100,000 руб. сбора.

— На масляной недѣлѣ въ Интернациональномъ театрѣ предполагается нѣсколько утреннихъ спектаклей въ общедоступнымъ цѣнамъ съ участіемъ артистки В. Н. Ильинской, известной Москвѣ по театру Корша. Репертуаръ: „Боръ“, „Казнь“, „Жена Угрюмона“, „Дневникъ Падшаха“ и „Слушанъ, Израиль“. Инициаторъ этого предпріятія артистъ С. Я. Семеновъ-Самарскій.

† И. О. Пальминъ. Грустную вѣсть о кончинѣ И. О. Пальмина наша редакція получила въ день его смерти, 26 января, поздно ночью. Телеграмма всего въ нѣсколько словъ: „Сегодня въ 3½ дня внезапно скончался паралича сердца Пальминъ“. Смерть наступила совершенно неожиданно. Наканунѣ смерти покойный вмѣстѣ съ супругой былъ на банкетѣ А. И. Южина. Возвращаясь съ банкета въ 5 ч. утра, онъ угонорилъ жену пойти въшкромъ, заявивъ, что нехорошо себя чувствуетъ. Придя домой, онъ, хотя и легъ, но не могъ уснуть до утра. Утромъ, чувствуя себя еще хуже, онъ пошелъ въ бюро. Служащія бюро угонорили его идти домой. Жена прислала его пригласить доктора, но онъ наотрѣзъ отказался. Между тѣмъ, ему становилось все хуже и хуже. Началась страшная рвота, съ которой выдѣлялись куски рыбы, съѣденной имъ наканунѣ на банкетѣ А. И. Южина. У жены явилось предположеніе, что онъ отравился. Стали давать молоко, но рвота не прекращалась. Онъ почувствовалъ, что умираетъ. Послали за докторомъ. Но было уже поздно: послѣдовалъ разрывъ сердца.

Всегда по горло въ работѣ, И. О. Пальминъ въ послѣднее время много заботъ положилъ на устройство маскарада въ пользу Т. О. и по организаціи юбилея А. И. Южина.

И. О. въ молодыхъ годахъ поступилъ на сцену, но послѣ 9-лѣтняго странствованія по провинціи перешелъ на службу въ театральное агентство Разсохиной, въ которомъ прослужилъ 4 года. По открытіи театральнаго бюро онъ былъ при-

глашенъ сначала помощникомъ управляющаго, но вскорѣ занять мѣсто управляющаго. При немъ бюро-то и достигло полнаго расцвѣта.

Какой любовью и уваженіемъ сценическихъ дѣятелей пользовался И. О. Пальминъ, можно судить по количеству телеграммъ и вѣнковъ отъ провинціальныхъ артистовъ. По телеграфу возложены вѣнки:

Изъ Владимира отъ труппы Ростова; изъ Иркутска—труппы Валентетти: „Миръ праху твоemu, дорогой товарищъ“; изъ Гродно—труппа Викторона: „Отъ осиротѣвшихъ артистовъ“; изъ Нижняго-Новгорода—труппы Васманова: „До конца дней своихъ вѣрному другу актеровъ“; изъ Курска—труппы Погуляева: „Миръ праху честнаго труженика“; изъ Смоленска—труппы Правдина: „Другу, товарищу русскихъ актеровъ“; изъ Саратова—оперная труппа Эйхенвальда: „Сподвижнику и помощнику въ нуждахъ актеровъ, положившаго жизнь на устройство и процвѣтаніе нашего дѣла“; изъ Екатеринослава—труппы Дорошвица и Судьбинина; изъ Перми—отъ оперной труппы Левицкаго; изъ Баку—труппы Кручинина; изъ Николаева—труппы Коралли-Торцова: „Незабвенному дорогому товарищу и другу“; изъ Нахичевани труппы Онѣгина; изъ Вятки—труппы Сѣрова; изъ Саратова—труппы Панормова: „Незабвенному другу актеровъ“; изъ Астрахани—труппы Струйскаго, изъ Владивостока—труппы Арнольдова; изъ Казани—труппы Соболевскаго: „Душевному другу“; изъ Петербурга—отъ А. Р. Кугеля и ред. „Театра и Искусства“; изъ Симбирска—труппы Неволойной; изъ Владикавказъ—труппы Медвѣдева: „Спи съ миромъ добрый товарищъ, при жизни на пользу другихъ потрудившійся“; изъ Одессы—труппы Новикова.

Получены сочувственные телеграммы: Отъ труппы Яворской изъ Тифлиса, отъ труппы Аблова изъ Харбина, изъ Омска отъ антрепренера Кравченко, Томска—антрепренера Кравченко, Астрахани—труппы Леонова, Мариуполя—труппы Лихтера, Тифлиса—директора опернаго театра г. Акимова.

Кромѣ того на гробъ покойнаго возложены вѣнки: Отъ жены и дѣтей съ надписью: „Не забудь ты насъ, мы тебя не забудемъ“, отъ совѣта русскаго Императорскаго театральнаго общества, А. А. Бахрушина:—„постоянному сотруднику и сослуживцу“, „сослуживцевъ бюро“, „незабвенному начальнику и дорогому товарищу“. Роскошный вѣнокъ отъ А. И. Южина, съ надписью: „Дорогому, незабвенному старинному другу“, отъ глубоко-скорбящаго; отъ Ѳ. А. Корша; отъ труппы театра Корша красивый вѣнокъ съ надписью: „Дорогому незабвенному другу артистовъ И. О. Пальмину. Труппа глубоко потрясена горемъ. „Отъ служащихъ петербургской канцеляріи совѣта общества; отъ артистки Петровой-Званцевой—„Миръ праху, неутомимый труженикъ“; отъ труппы Кубанскаго—„вѣчная память дорогому товарищу; отъ одесской труппы Никулина—„другу провинціальныхъ актеровъ“ и мн. др.

Гробъ съ останками И. О. изъ его квартиры былъ перенесенъ въ залъ бюро. На панихидѣхъ присутствовала масса народа: М. Н. Ермолова, А. П. Ленскій, А. И. Южинъ, Падаринъ, режиссеръ Поповъ, г-жа Смирнова, Чаринъ, Кригеръ, Бѣляевъ, А. А. Бахрушинъ, г. Витарскій, артистка Петрова-Званцева и др. На похороны И. О. Пальмина прѣхалъ изъ Петербурга А. Е. Молчановъ.

Похороны состоялись на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Скончался И. О. 47 лѣтъ. Кромѣ взрослой дочери, у Пальмина остался годовалый сынишка, которымъ покойный такъ гордился!..

* * *

Юбилей В. Н. Давыдова. Чествованіе В. Н. началось по окончаніи комедіи „Бѣдность—не порокъ“. Были адреса и депутации: отъ московскаго Малаго театра, балетной труппы Маринскаго театра, спб. Малаго театра, „Буффа“, „Фарса“, союза драматическихъ писателей и др. Говорили Е. П. Карповъ, А. А. Санинъ, М. Г. Савина и др. были привѣтствія отъ провинціальныхъ труппъ: рижской труппы К. Н. Незлобина, одесской (А. И. Долиновъ) и др. Нотариусъ Я. Ф. Сахаръ прислалъ модель цилиндра Расплюева, который юбиляръ буд-то бы у него забилъ.

Дуэ и старикъ Сальвини прислали свои портреты съ трогательными надписями.

Телеграммъ свыше 100. Говорили, что была телеграмма отъ г. Пуришкевича, но ее не рѣшили прочесть.

Множество цѣнныхъ подарковъ—золотой вѣнокъ отъ труппы Императорскаго московскаго Малаго театра, золотой вѣнокъ отъ московскаго Художественнаго кружка, серебряный вѣнокъ и кольцо съ брилліантомъ отъ группы почитателей, золотой жетонъ съ брилліантомъ отъ труппы Александринскаго театра, золотой жетонъ съ цифрой XXV отъ спб. балета, серебряный вѣнокъ отъ Императорской петербургской оперы, съ именами всей труппы, и др.

* * *

Юбилей А. И. Южина. Чествованіе А. И. Южина, имѣвшее характеръ настоящаго общественаго событія, началось послѣ перваго акта „Отелло“.

Первое привѣтствіе сказали представители Малаго театра:

А. П. Ленскій, М. Н. Ермолова, Никулина, О. О. Садовская и О. А. Правдинъ.

А. П. Ленскій прочелъ адресъ:

„Въ этотъ свѣтлый праздникъ,—сказалъ, между прочимъ, А. П. Ленскій—предъ лицомъ Москвы, съ такимъ радостнымъ единодушнымъ чувствомъ собравшейся въ историческія стѣны нашего театра, чтобы благодарить художника, уже четверть вѣка щедро расточавшаго предъ ней дары своего разносторонняго духовнаго богатства, мы, ваши ближайшіе товарищи, счастливы выразить вамъ, дорогой А. И., чувства нашего общаго глубокаго уваженія и горячей любви. Подчиняясь отличающей васъ рѣдкой способности беззавѣтно отдавать всего себя интересамъ того дѣла, въ которое вы разъ повѣрили, вотъ уже 25 лѣтъ вы посвящаете всѣ силы своего ума, своей благородной души и своего прекраснаго таланта исключительно заботамъ о благѣ нашего дорогаго театра и стойкой борьбѣ за художественную независимость актера. Какъ же не любить васъ, какъ же не гордиться вами, вѣрный рыцарь и неутомимый защитникъ нашей общей святыни?“

Затѣмъ изъ группы выдѣляется М. Н. Ермолова. Ей долго не даютъ говорить. Разгорается настоящая овація уже по ея адресу. Публика видитъ ее впервые послѣ года отсутствія на сценѣ. Она съ большимъ мастерствомъ, замѣтно волнуясь, читаетъ теплое, сердечное поздравленіе поневолѣ отсутствующей другой славной представительницы славнаго прошлаго Малаго театра—Г. Н. Федотовой.

Это привѣтствіе снова вызываетъ въ залѣ настоящую бурю. Южинъ, получая письмо, прикладываетъ его къ губамъ.

Потянулись другія привѣтствія. Ѳ. П. Горевъ поздравляетъ юбиляра и передаетъ золотой вѣнокъ отъ петербургскаго Александринскаго театра. Г. Тютюникъ, Салина, Трезвинскій—отъ Большаго театра. Гельцеръ, Тихомировъ и Мосолова—отъ казеннаго балета съ лавровымъ вѣнкомъ.

А. А. Бахрушинъ читаетъ очень пространнй адресъ отъ театральнаго общества. Затѣмъ появляются „художественники“. Вл. И. Немировичъ-Данченко читаетъ адресъ, передаетъ золотой вѣнокъ, К. С. Станиславскій—подарокъ. Слѣдуютъ „коршевы“ съ Синельниковымъ во главѣ. Онъ же читаетъ и адресъ.

Старикъ, въ живописномъ бархатномъ кафтанѣ въ золотѣ, съ оружіемъ, въ бѣлыхъ сапогахъ и красныхъ шароварахъ, съ сильнымъ „восточнымъ“ акцентомъ, грузинъ-артистъ отъ имени „малыхъ тружениковъ грузинской сцены“ привѣтствуетъ „большаго“ артиста Малаго театра.

Привѣтствіе зажигаетъ залъ своей горячностью. Оно не безъ остроумія и построено. Игра словами „малый“ и „большой“, „Измѣна“ (пьеса юбиляра) и „измѣна“ Южина грузинской сценѣ доставляютъ оратору шумный успѣхъ.

Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ различныхъ обществъ и учреждений. П. Д. Боборыкинъ читаетъ адресъ отъ общества любителей русской словесности. Шпажинскій—отъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Мясницкій передаетъ при этомъ отъ общества золотой вѣнокъ. Л. М. Лопатинъ—отъ театральнаго-литературнаго комитета. Отъ имени провинціальныхъ дѣятелей сцены прочелъ адресъ И. О. Пальминъ. Адресъ подписало 1000 человекъ.

Г. Иванцовъ отъ Литературно-художественнаго кружка передаетъ великолѣпный бюстъ знаменитаго французскаго скульптора Родена, изображающій Виктора Гюго.

Отъ дирекціи кружка Южину передается книга, въ которой собрано все, что написано Л. Н. Толстымъ.

— На первомъ листѣ книги заявляетъ ораторъ—собственною великій писатель сдѣлалъ „посвященіе“ юбиляру.

Нѣсколько депутатовъ посылаетъ филармоническое общество. Затѣмъ одна изъ ученицъ А. И. Южина, г-жа Тираспольская, привѣтствуетъ юбиляра отъ имени всѣхъ бывшихъ учениковъ по школѣ своего бывшаго преподавателя и подноситъ юбиляру цѣнный подарокъ. Въ частности вѣнокъ отъ артиста Александринскаго театра г. Юрѣва.

А. А. Кизветтеръ читаетъ адресъ отъ „Русской Мысли“ и передаетъ юбиляру альбомъ. П. Д. Боборыкинъ снова выступаетъ и на этотъ разъ читаетъ адресъ отъ общества дѣятелей періодической печати.

Слѣдуетъ еще цѣлый рядъ лавровыхъ вѣнковъ съ адресами и безъ адресовъ...

Наконецъ, привѣтствія кончились.

А. И. Южинъ выступаетъ на авансцену и обращается къ публикѣ съ нѣсколькими словами благодарности:

— Господа. Сейчасъ въ той роли, которую я сегодня играю, я произнесъ одну фразу, которую и повторю: „Я грубъ въ рѣчахъ“. Я не умѣю говорить. Все то, что я встрѣтилъ сегодня отъ васъ, что нашель въ лицѣ массы лицъ, привѣтствовавшихъ меня сотни разъ, превосходитъ мои заслуги, то, что я сдѣлалъ. Все, чему я обязанъ сегодняшнимъ, поистинѣ великимъ для меня, днемъ,—это вотъ этимъ подмосткамъ и тѣмъ друзьямъ, тѣмъ товарищамъ, которые были моими учителями и руководителями, и этимъ священнымъ стѣнамъ, кулисамъ Малаго театра. Я до земли кланяюсь и благодарю и эти кулисы, и эту родную мнѣ сцену, которая привела меня отсюда, съ галлерей, сюда, на сцену. Господа, искренно благодарю и

низко спаяньюсь дорогой, родной мнѣ Москвѣ за тотъ привѣтъ, который она мнѣ сегодня подарила".

Въ отвѣтъ на эти слова въ залъ раздались шумные аплодисменты, которые долго не умолкали.

На слѣд. день въ Литер.-Худож. Кружкѣ состоялся банкетъ. Говорилось привѣтствій не мало. Съ П. Д. Боборыкинъ вышелъ маленькій инцидентъ.

— Громче, — раздались голоса, когда П. Д. Боборыкинъ сказалъ нѣсколько первыхъ фразъ своего привѣтствія.

— Гоню по состоянію своихъ легкихъ.

Телеграммъ была масса.

Первой была доложена телеграмма С. А. Муромцева, председателя первой Государственной Думы. Шумные аплодисменты, почти демонстрацій. Далѣе слѣдовала телеграмма О. А. Головина, второго председателя второй Государственной Думы. Опять овация.

Третья—отъ имени городского общественного управления, подписанная Н. И. Гучковымъ.

Собрание эту телеграмму встрѣтило шканьемъ, протестами. Такъ же реагировало собрание и на телеграмму Шубинскаго. Очевидно, настроеніе было не октябристское.

Порядокъ чтенія телеграммъ былъ установленъ, несомнѣнно, юбилейной комиссіей. И въ этомъ порядкѣ литераторы, артисты, художники были отфисены на задній планъ.

Среди гостей—кн. П. Д. Долгоруковъ, извѣстный тверской землецъ, членъ Государственнаго Совѣта Штюрмеръ, М. А. Стаховичъ, А. Р. Ледовицкій, кн. С. Д. Урусовъ, М. Г. Компаровъ, Н. В. Давыдовъ, художникъ Сѣрога.

* * *

Юбилей Е. П. Карпова. Чествованіе Е. П. Карпова происходило при открытій занавѣсъ послѣ третьяго акта „Рабочей слободки“.

Первымъ привѣтствовалъ юбиляра г. Бастуновъ, прочитавшій адресъ отъ труппы Малаго театра. Затѣмъ отъ лица товарищей сказали г. Баратовъ и Блюменталь-Тамаринъ.

Депутатія отъ Александринскаго театра въ лицѣ маститой Стрѣльской и г. Аполлонскаго, и депутатія отъ Маринскаго театра въ лицѣ гг. Тартакова и Большакова, частныхъ петербургскихъ театровъ, Союза и общества драм. писателей, Театр. Общества кассы взаимопомощи литераторовъ и пр.—цѣлый нескончаемый рядъ депутатій отъ Петербурга и Москвы; вѣнки лавровые и золотые, адреса, подарки коллективные и индивидуальные. Между прочимъ, отъ М. Г. Савиной юбиляръ получилъ жетонъ съ бриллиантами. Отъ московскаго Малаго театра адресъ прочла г-жа Музиль-Бороздина. Былъ подарокъ отъ семьи А. С. Суворина и др.

Приводимъ выдержки изъ нѣкоторыхъ адресовъ. Въ адресѣ отъ литераторовъ (читаль К. С. Баранцевичъ), между прочимъ говорилось:

„Всѣми корнями своего писательства Вы принадлежите нашей семьѣ.“

Вы нашъ и потому, что самимъ дѣломъ жизни Вы закрепили свою вѣру въ тѣ идеалы, къ которымъ звали въ своихъ произведеніяхъ, какъ дѣлали это лучше изъ нашей среды.

Долгимъ пребываніемъ въ далекіхъ Вологдахъ, Красноярскахъ и Усть-Сысольскахъ Вы доказали, что Ваша проповѣдь добра была для Васъ одновременно и слономъ и дѣломъ“.

Вотъ нѣсколько словъ изъ адреса союза драм. писателей: „Ряды пѣвцовъ народной жизни и печальниковъ народного горя—сильно порѣдѣли. Но Вы твердо стоите среди нихъ, какъ одинъ изъ немногихъ, по праву четверть вѣковой вѣрной и плодотворной службы, занимая принадлежащее Вамъ почетное мѣсто“.

Очень хорошей адресъ отъ труппы театра Лит.-Худ. Общества гласитъ, между прочимъ:

„Умѣнью изобразить чужую душу—говорится въ этомъ адресѣ—чужую жизнь, что и составляетъ сущность сценическаго искусства, можно научиться, когда познаешь искусство изображенія своего народа, его задушевной сути, его нравовъ и жизни.“

„Вы ярко развернули предъ нами эту жизнь!“

„Принадлежа къ школѣ Островскаго, свято чтя завѣтъ правды и естественности, Вы въ Вашихъ пьесахъ затронули важнѣйшіе вопросы народной и рабочей жизни. Жизнь и быть были для Васъ неизмѣнными учителями“.

Кромѣ этихъ адресовъ, были поднесены еще адреса: отъ Им. Рус. Театр. Общества, отъ Петербургскаго театра, отъ учениковъ и ученицъ драматич. курсовъ А. С. Суворина, отъ „Невск. Общества Устр. народныхъ развл.“ и мн. др.

Тутъ же были прочитаны нѣкоторыя телеграммы, въ томъ числѣ отъ ред. журнала „Театръ и Искусство“.

Еще болѣе оживленная часть юбилея пришлась на ужинъ, состоявшійся въ Театральномъ Клубѣ въ тотъ же вечеръ, послѣ 12 ч.

Юбиляръ прибылъ въ 1 часъ ночи. Его встрѣтили громомъ аплодисментовъ, оркестръ игралъ тушь. Е. П. пожимали руки, со многими изъ присутствующихъ онъ цѣловался.

Закуска была сервирована внизу, ужинъ въ большой залѣ,

наверху. Однако не для всѣхъ нашлось мѣсто и многимъ пришлось ужинать рядомъ, въ гостиной.

Подали шампанское. Отъ драматурговъ привѣтственную рѣчь сказалъ г. Туношенскій, указавъ на заслуги Е. П., защитника „безправнаго“ русскаго драматурга и какъ на автора многихъ прекрасныхъ произведеній.

Второй говорила г-жа Писарева-Зивадичъ, извѣстная въ провинціи драматическая артистка.

А. Р. Кугель коснулся вопроса о сценичности драматическихъ произведеній Карпова и предложилъ гостя въ лицѣ Е. П. Карпова режиссера, актера и драматурга, за сцену театра. Сердечное слово сказала З. В. Холмская. Говорили еще и другіе.

Е. П. Карповъ благодарилъ за оказанное ему вниманіе, за дружеское, хорошее къ нему отношеніе, за оцѣнку его трудовъ. Юбиляръ указавъ на то, что на народную шпу онъ вышелъ въ пору расцвѣта русской интеллигенціи, когда „раскаминшесся“ дворянство рѣшило откѣпить за грѣхъ отцовъ, не поманившихъ и не знавшихъ народа, и пошло въ народъ.

Идеалисты прошлаго бросили на невоздѣланную почву доброе сѣмя, и оно взойшло..

„Съ небольшой коницей пошелъ и я за ними, пошелъ потому, что я любилъ народъ, любилъ и вѣрилъ въ его жи потворная силы“.

О русскомъ театрѣ и русскомъ артистѣ Е. П. говорилъ особенно горячо и задушевно.

Прошу, госнода, поднять бокалъ за московскаго юбиляра артиста А. И. Южина.

Гость былъ принятъ единодушно.

Поэтъ В. А. Мазуркиничъ, сейчасъ велѣлъ за рѣчью Е. П. и послѣ его предложенія выпить за А. И. Южина, произнеситъ слѣдующій экспромтъ:

Александръ Ивановичъ Южинъ,
Для искусства очень нуженъ,
Но сегодня средь друзей
Карповъ во сто кратъ нужнѣе.

Вообще стихотворенія, поэмки. Особенно удачны выпали на шутливое стихотвореніе г-жи Гриневской и остроумные стихи К. Н. Сахарова.

Въ разныхъ концахъ залы читались телеграммы.

Всего получено болѣе 400 привѣтственныхъ телеграммъ отъ видныхъ литературныхъ, общественныхъ и сценическихъ деятелей и почти отъ всѣхъ русскихъ театровъ.

Гр. Петровъ, привѣтствуя юбиляра, пишетъ: „сердечный привѣтъ дорогому юбиляру. Коробъ новыхъ талантливыхъ пьесъ для постановки и не менѣе 25 вѣзловъ автора, при постановкѣ еще 25 своихъ новыхъ пьесъ. Любящій насъ священникъ Гр. Петровъ“. Телеграмма была принята шумными рукоплесканіями.

Между прочими привѣтствуютъ юбиляра: Садовскіе, кн. Сумбатовъ, Савинъ, Давыдовъ, Москон. Художеств. театры, Московск. Литер. Кружокъ, Вейнбергъ, Шпажинскій, Бахрушинъ, Сипельниковъ, „Рус. Слово“, Ермолова, В. Тихоновъ, А. М. Федоровъ, Ив. Щегловъ, А. Р. Кугель, Сытинъ, Куркинъ, С. Найденовъ и мн. др.

* * *

Малый театръ. Въ юбилейный бенефисъ Е. П. Карпова шла драма юбиляра „Рабочая слободка“.

„Рабочая слободка“ была строно разыграна артистами. Г. Судьбининъ—прекрасный Федоръ—лишній разъ доказалъ, что въ роляхъ бытового характера—соперниковъ у него не много. Г-жа Миронова искренно и горячо сыграла его жену, Аришу. Чрезвычайно типична въ роли фабричной облыстельницы Настя—г-жа Роцина-Исарова. Интересенъ г. Блюменталь-Тамаринъ—Илья. Г. Баратову (Сургуучевъ) чисто бытовые образы удаются меньше, чѣмъ другіе. Задуманно провель г. Михайловъ роль старика Куловодина.

Публика внимательно прослушала слѣзую пьесу, такъ мало гармонирующую съ обычнымъ репертуаромъ этого театра. Поставлена „Рабочая слободка“ очень жизненно и правдиво.

* * *

Петербургскій театръ. „Жизнь падшей“, передѣлка для сцены Е. М. Вабцкимъ извѣстнаго нѣмецкаго дневника, выдержавшаго десятки изданій этого „человѣческаго документа“ глущко правдивой исторіи загубленной женской хорошей души, дана была въ бенефисъ г-жи Арбелиной. Бенефициантка имѣла успѣхъ, получила много цѣвтовъ. Г-жѣ Арбелиной надо работать надъ своей дикціей (букна р), голосомъ, въ которомъ еще мало интонацій, надо избѣгать замѣны внутренней силы переживанія условнымъ паесомъ. Роль Тиміанъ г-жа Арбелина вела неровно; лучше всего удалась артистѣ сцена въ „домѣ свиданій“, когда вырвавшаяся изъ цѣпей лицемѣрной опеки женщина попадаетъ въ сѣти порока и среди танца узнаетъ о смерти своего ребенка. Тутъ была хорошо передана смѣная настроеній.

Сцена, когда Тиміанъ находитъ, уже смертельно больная, слишкомъ поздно явившееся счастье и высказываетъ свои

думы и чувства доктору, звучит въ сценической передѣлкѣ мало жизненно. Дневникъ, превращенный въ монологъ, утрачиваетъ прелесть своей затаенной одинокой грусти. звучитъ искусственно—мелодраматическимъ сомооправданіемъ. Г-жа Арбелина по неопытности, не сумѣла смягчить здѣсь краски хотя мѣстами говорила трогательно...

Роль Гиманъ, несомнѣнно, будетъ привлекать, своими благородными положеніями, артистскъ. Въ сценической передѣлкѣ остальные роли блѣдны, да и въ Дневникѣ онѣ очерчены эскизно.

И. Т.

* * *

Въ Лигонскомъ Народномъ домѣ поставили произведение одного изъ лучшихъ, современныхъ драматурговъ Гейерманса „Гибель Надежды“. Къ сожалѣнію цензурныя условія заставили сильно сократить эту прекрасную пьесу, рисующую бытъ голландскихъ рыбаковъ и проникнутую яркимъ, социалистическимъ духомъ.

Тѣмъ не менѣе ясная, общедоступная тенденція и отличная постановка вызвали горячее сочувствіе и шумное одобреніе зрителей.

Старуху Книртъе тепло сыграла г-жа Любецкая. Особенно удачно прошла у нея послѣдняя сцена, когда старая рыбака узнала о гибели своихъ сыновей. Роль старшаго ея сына Гэрта, въ которую авторъ вложилъ всю силу своего антикапиталистическаго возмущенія—по истинѣ превосходно была исполнена г. Свободнымъ. Дарованіе молодого артиста заслуживаетъ вообще серьезнаго вниманія. Упрекъ, который ему можно сдѣлать—это нѣкоторая монотонность мимики. Очень искрененъ г. Таировъ—Барендъ, младшій братъ Гэрта. Глубоко драматическая сцена его съ матерью растрогала зрителей до слезъ. Типичны старые рыбаки, призрѣваемые въ богадѣльнѣ—гг. Клеманскій и Гольдфаденъ. Послѣдній, впрочемъ, исполняя въ этой-же пьесѣ вторую роль—плута, бухгалтеря—шаржировалъ, чѣмъ мѣшалъ общему настроенію. Г. Сердюкъ—судохозяинъ Бось, ради выгоды спокойно посылающій на смерть своихъ служащихъ—довольно безцвѣтенъ. Хорошъ г. Черновъ—въ роли корабельнаго пьянича плотника.

Г-жа Толстая—Ю, скорѣе актриса комедійная, чѣмъ драматическая; почему ей болѣе и удалась первые два акта. Трогательно г-жа Саратовская въ маленькой роли невѣсты погибшаго рыбака.

* * *

—й концертъ Менленбургскаго квартета привлекъ къ себѣ вниманіе участіемъ талантливаго композитора Рахманинова, выступившаго исполнителемъ своего D-moll'наго трио. Авторъ былъ тепло принятъ собравшейся публикой и имѣлъ шумный успѣхъ. Его красивое по музыкѣ трио носитъ мрачный характеръ, обусловленный самимъ посвященіемъ „памяти великаго артиста“—Чайковскаго. Произведеніе исполнялось въ новой редакціи, потому что прежде оно страдало отъ недостаточно развитого ансамбля. Въ этомъ отношеніи оно теперь немного выиграло. Въ трио замѣтно вліяніе Чайковскаго и пользование нѣкоторыми церковными напѣвами похороннаго характера. Рядъ длиннотъ искупался превосходной игрой автора. Чувствовалась непосредственность передачи импровизаціоннаго характера и отличное владѣніе инструментомъ.

На бисъ были сыграны двѣ извѣстныхъ, распространенныхъ въ публикѣ, прелюдіи Cis-moll и G-moll, вызвавшихъ долго непрекращавшіяся аплодисменты.

Исполненный въ началѣ концерта струнный квартетъ Шиллинга, автора нѣсколькихъ оперъ, доставившихъ ему популярность въ Германіи, проникнуть глубокомысленнымъ характеромъ музыкальнаго выраженія и изобильно насыщена вагнеризмомъ.

Отмѣтимъ въ скерцо оригинальное трио и хорошо развитую вторую часть.

„Мекленбургцы“ закончили вечеръ изящно сыграннымъ F-dur'нымъ квартетомъ Бетховена.

В. С.

* * *

Выпусные спентанли Императорскихъ драматическихъ курсовъ Ю. Э. Озаровскаго. „Женитьба Фигаро“ Бомарше... Прелюдія революціонныхъ настроеній, смѣхъ сына народа надъ послѣдышами развращенной знати. Война вассаловъ противъ сюзерена—война веселая... Вассалы Фигаро и Сузанна ловко дурачатъ графа, умѣя создать удобный,—выгодный для себя компромисъ между рабствомъ и свободой.

Когда я шелъ на дебютъ актерской молодежи, въ пьесѣ, дышащей весенними вѣянiami, я ждалъ отъ нея непосредственности, бодрого юнаго задора, искреннихъ переживаній.

Увы, ученической спектакль прошелъ вяло, скучно...

Помните, у Пушкина Сальери повторяетъ Моцарту совѣтъ Бомарше:

„Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,^м
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро“?..

Г. Озаровскій подаль намъ выдохшуюся бутылку вина, разведеннаго водою...

По первому спектаклю нельзя окончательно судить о способностяхъ, сценическихъ средствахъ и школьныхъ приобрѣтеніяхъ молодыхъ актрисъ и актеровъ, но даже при естественномъ желаніи добрымъ словомъ привѣтствовать лучшихъ изъ нихъ, нельзя не высказать упрека преподавателю за бросающіеся въ глаза рѣзкіе дефекты. Г. Озаровскій—образованный актеръ, много поработавшій по вопросу сценической техники и теоретически (въ печатныхъ трудахъ), и практически. Но его классъ на первомъ спектаклѣ сплеховалъ. Постановка голоса, свободное дыханіе, выработка красивой, ясной и передающей тонами и полутонами разнообразнаго чувства рѣчи—главная задача сценической школы.

И какъ разъ дикція и декламация—слабы почти у всѣхъ учениковъ г. Озаровскаго, у иныхъ слышны акценты. Быстрый темпъ чуть не всѣхъ разговоровъ комедіи Бомарше оказался для дебютантовъ тяжелой задачей и порою со сцены неслись только обрывки фразъ... Особенно вредили недостатки техники звука игравшей Сузаннѣ г-жѣ Кирсановой, которая болѣе другихъ была въ стилѣ пьесы и роли, которая производитъ впечатлѣніе способнаго человѣка, въ игрѣ которой чувствовалось оживленіе... Одногодно, полюбительски играла г-жа Вертеръ (пажъ Керубино). Между тѣмъ, романсъ-стихи она продекламировала и выразительно, съ поэтическимъ одушевленіемъ, и отчетливо въ звуковомъ отношеніи (не справилась только съ гармоничнымъ сочетаніемъ стиха съ аккомпаниментомъ арфы; чтеніе было само по себѣ, музыка—сама по себѣ) очевидно, стихи съ ученицей подготовили тщательно, вообще же школа недостаточно развивала технику ея рѣчи. Г-жа Вертеръ обладаетъ счастливой наружностью хорошо, носить костюмъ, у нея изящный maintien, стройная фигура. Пьеса ставилась для указанныхъ ученицъ и еще для г. Рустумова. Тутъ опять надо обвинять учителя, выпустившаго въ комической роли ученика, въ средствахъ котораго комизма—или нтъ, или его не сумѣли показать. Другіе исполнители пьесы поставлены на афишѣ внѣ дебютной оцѣнки. Подожду о нихъ высказываться, но замѣчу, что странно ставить пьесу съ нерасходящимися при данномъ составѣ учениковъ ролями. Въ „Юбилей“, водевилѣ Чехова, экзаменовался г. Линовекій, комизмъ котораго также подлежитъ сомнѣнію. Хорошо звучали голоса подыгрывавшихъ г-жѣ Моравиной и Зелинской (способныя ученицы) и г. Волкова. Лучше всѣхъ игралъ ученикъ II курса Топорковъ (класса К. И. Яковлева). Есть комическая жилка, говорить ясно и разнообразно тонируетъ.

И. Тамаринъ.

* * *

За границей.

Надняхъ въ Парижѣ скончалась отъ воспаленія легкихъ, 77 лѣтъ отъ роду, нѣкогда извѣстная артистка Лія Феликсъ, родная сестра знаменитой Рашель.

Письма въ редакцію.

Дорогой А. Р.! Позвольте воспользоваться небольшимъ мѣстомъ на страницахъ вашего уважаемаго журнала, чтобы выразить мою горячую, братскую благодарность дорогимъ товарищамъ по работѣ, артистамъ русскихъ частныхъ провинціальныхъ и столичныхъ сценъ, за ихъ дружбу и привѣтъ въ день моего юбилея. Отвѣтить отдѣльно нѣтъ возможности.

А. Южикъ — кн. Субботовъ.

М. г. Не имѣя возможности лично благодарить всѣхъ лицъ, почтившихъ меня привѣтствіемъ, я покорнѣе прошу редакцію позволить мнѣ черезъ ваше посредство принести мою глубокую, сердечную благодарность всѣмъ учреждениямъ и лицамъ, вспомнившимъ обо мнѣ въ день двадцатипятилѣтняго юбилея моей литературной дѣятельности.

Евт. Курцовъ.

М. г. Приношу сердечную благодарность всѣмъ лицамъ, почтившихъ меня поздравленіями съ моимъ 25 л. юбилеемъ. Я счастливъ, что мои труды оцѣнены.

Режиссеръ и артистъ И. Е. Шуваловъ.

М. г. Не откажите помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее. Въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что мое дѣло въ Иркутскѣ потерпѣло большіе убытки и близко къ распаденію, я считаю долгомъ заявить, что слухи эти ровно ни на чемъ не основаны и мнѣ совершенно непочтено, во имя чего и къмъ эти слухи распространяются.

Я работаю при среднемъ сборѣ 750 р. за спект. и никакою основанія не имѣю жаловаться на свое положеніе. Конечно, при другихъ условіяхъ, я вѣроятно имѣлъ бы большую при-

быть, которую конкуренция (три театра) и экономический кризис значительно уменьшит.

Пр. и пр. антрепренеръ *Федоръ Валентинъ*.

М. г. Въ дѣлѣхъ правннмаго освѣщенія вопроса о значеніи предстоящаго съѣзда режиссеровъ, не откажите помѣстить въ нашемя уважаемомъ журналѣ слѣдующія строки.

Въ некоторыхъ театральныхъ кругахъ распространяется мнѣніе, что предстоящій 1-й всероссійскій съѣздъ режиссеровъ въ Москвѣ, созываемый Союзомъ сценическихъ дѣятелей, имѣетъ въ своемъ назначеніи узкую, специальную цѣль и можетъ въ конечномъ результатѣ дать возможность на съѣздѣ режиссерамъ, въ личныхъ интересахъ, утвердить свою власть, и безъ того возросшую по предѣлу вѣнны сценическихъ дѣятелей до полного произвола".

Такое мнѣніе ошибочно и ни на чемъ не основано.

Съѣздъ режиссеровъ организуется Центральнымъ Правленіемъ В. С. С. Д. съ широкою цѣлью — поднятіе театрального дѣла въ Россіи и улучшеніе положенія сценическихъ дѣятелей — и потому не можетъ служить узурпаціи чьихъ либо правъ.

Приглашаемые на съѣздъ режиссеры, какъ несущіе режиссерскія обязанности въ настоящее время, такъ и несшіе ихъ въ минувшихъ сезонахъ, не могутъ являться какой-нибудь замкнутой отъ всей театральной семьи кастой, а должны представить изъ себя тотъ авторитетный элементъ работниковъ сцены, которымъ хорошо извѣстны всѣ вообще нужды театрального міра.

Это основное положеніе подтверждается во первыхъ программой, разработанной для руководства Бюро по организаціи съѣзда, гдѣ подавляющее большинство вопросовъ затрагиваетъ общія театральныя нужды, и лишь некоторые изъ нихъ относятся специально къ режиссерамъ и къ режиссурѣ; и во вторыхъ — настоящимъ составомъ режиссеровъ, гдѣ лишь, несомненно значительный процентъ, а большинство, несущими обязанности режиссеровъ, являющіяся актерами, которые, къ тому же, несуть ихъ временно, являясь въ одномъ сезонѣ режиссеромъ и актеромъ, а въ другомъ исключительно актеромъ.

Такой составъ режиссеровъ и руководящая программа могутъ вполне обезпечить отъ узурпаціи на предстоящемъ съѣздѣ права какъ режиссера, такъ и вообще всякаго сценическаго дѣятеля.

Доклады же и рефераты по намѣченнымъ въ руководящей программѣ вопросамъ могутъ представляться на разсмотрѣніе съѣзда всѣми безъ исключенія сценическими дѣятелями.

Кромѣ того, по правиламъ и по положенію о съѣздѣ, сценические дѣятели-члены Союза, не будучи режиссерами, имѣютъ доступъ на этотъ съѣздъ и имъ предоставлено право совѣщательнаго голоса, которымъ они, по затрагивающимъ ихъ интересамъ вопросамъ, надо надѣяться, а воспользуются въ полной мѣрѣ.

Такимъ образомъ съѣздъ долженъ стремиться урегулировать права и взаимоотношенія всѣхъ сценическихъ дѣятелей, твердо установить ихъ прямыя обязанности и послужить по-настоящему всему театральному дѣлу со всѣми его сотрудниками.

Бюро по организаціи съѣзда режиссеровъ.

Москва, Тверская, Настасьинскій пер., д. Скворцова, кв. 29.

М. г. Позвольте при посредствѣ нашего уважаемаго журнала опубликовать въ русскомъ переводѣ слѣдующее заявленіе Людвига Фульда:

"Снимъ заявляю, что С. Каминскому принадлежитъ исключительное право переноса на русскій языкъ и передачи для постановки русскимъ театрамъ моей драматической сказки въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Талисманъ“.

Такимъ образомъ авторизованнымъ „переносомъ названной пьесы является исключительно переводъ г. Каминскаго“.

Пр. и пр. *Сав. Каминскій.*

Малехкая хрочика.

*** Намъ пишутъ. „Любопытное разоблаченіе дѣлаетъ въ „Смолен. Вѣстн.“ Ник. Мучникъ. По улицамъ г. Смоленска передъ концертомъ Н. И. Тамары раздавали безплатно рекламки, гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ рассказъ „Заблужденіе“ (набросокъ), подписанный полнымъ именемъ концертантки — Н. И. Тамары. Оказывается, что „беллетристика“ г-жи Тамары „заимствована“. Отецъ г. Мучника издавалъ въ 1892 и 1893 гг. „Театральный Мірокъ“ и среди матеріала, напечатаннаго и не взятаго обратно сотрудниками, остались аккуратные листочки со слѣдами „жестокихъ“ редакторскихъ вымарокъ. На заглавномъ листкѣ стоитъ: „Заблужденіе“ (набросокъ), а на послѣднемъ подпись... „Викторъ Пальмскій“... Въ рассказѣ Н. И. Тамары не измѣнено ни одного словечка,

ни одного знака препинанія. Поздравляемъ литературный міръ съ новымъ талантомъ.

*** Со ст. „Тайга“ „Сиб. Ж.“ сообщаютъ, что недавно мѣстнымъ жандармскимъ ротмистромъ была заарестована постановка „Ревизора“.

*** Мы получили слѣд. письмо изъ г. Рѣжниця: „Не откажите въ любезности черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала передать гласности и въ назиданіе другимъ слѣдующее:

Премьеръ нашей труппы, подвигающаеся въ народномъ домѣ, артистъ Борисъ Николаевичъ Антоновъ, исполняющій 20-го сего января заглавную роль въ фарсѣ: „Набѣд на панашку, или Мраморный студентъ“, привлеченъ къ отвѣтственности, за свой сценикомъ откровенный костюмъ“.

*** Мы получили слѣд. небезынтересное письмо. Художественному театру отъ „проснающагося ремесленника“.

„Приближается осень. Въ Москву, по общему мнѣнію, съѣзжаютъ актеры со всей Россіи. Большинство драматическихъ актеровъ, въ виду разныхъ обстоятельствъ, не приходится оканчивать порядочную „драматическую школу“, или, даже братъ, хоть какіе нибудь порядочные уроки „драматическаго искусства“. Очень многимъ изъ этого большинства провинціальныхъ актеровъ приходится проходить суровую школу опыта, для того, чтобы изъ него выработался благородный ремесленникъ. Этотъ ремесленникъ, пріѣзжая постоить въ Москву и подписать контрактъ на сезонъ, не знаетъ куда его занесетъ судьба. Отдохнуть же душой, каждому благородному труженнику, набравшему энергіи и заняться въровъ въ себя, передъ такимъ походомъ въ театральную провинцію должно и можно. Отдайте этотъ „проснающійся ремесленникъ“, можетъ пойти у художниковъ, сохраняющихъ чистыми знамя искусства... Откройте намъ темя и участливо двери Вашего театра... Откройте ихъ пошире, чтобы насъ побольше туда вошло. Объявите постоить „спектакли для актеровъ“.

Конечно, дѣло это хорошее. Но какимъ, въ сущности, грандиозномъ вѣствъ отъ этого униженнаго, просителнаго тона!

*** Послѣ неудавшихся попытки изобразить въ „Жизни человека“ стоны роженцы игрой на нѣполноценно руководители московск. Художественнаго театра продолжаютъ изобрѣтать фантазію режиссерской выдумки въ постановкѣ „Синей птицы“ Метерлинка. Много заботы создать (?) вопросъ, какъ быть съ фигурирующими въ пьесѣ многочисленными животными, одухотворенными предметами и пр.

Отъ угнетенія и шкуръ, первымъ и тому подобнаго рѣшено окончательно отказаться, какъ отъ сценикомъ грубыхъ способностей пародирования животныхъ. Въ настоящее время окончательно (sic!) рѣшено символизировать животныхъ и предметы въ образахъ людей, у которыхъ лишь гримъ отчасти, а главное — движенія, голосъ, будутъ напоминать наиболее бросающіяся въ глаза особенности этихъ животныхъ и предметовъ. Такъ, напримѣръ, „вода“ будетъ представлена женщиной, рѣчь которой то шаксива, то прерывиста (лыющаеся и каплющая вода), „каштанъ“ — бульварнымъ фатомъ (большинство бульваровъ Парижа и нашихъ южныхъ городовъ обсажены каштанами), „собаку“ будетъ играть человекъ съ полужапычатымъ громъ и напоминающей движенія собаки походкой и т. д.“

Радуйся, актеръ, радуйся!

По Провихци.

Варшава. Варшавскій корреспондентъ „Рѣчи“ сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ, характеризующій насколько „благоварно“ шнѣетъ, въ вопросахъ культуры вмѣстательство власти: До 1905 г. гастроли русскихъ труппъ приносили громадный убытокъ кассѣ театровъ, такъ какъ кромѣ русскихъ чиновниковъ, никто на представленія не являлся, а въ мѣстныхъ посѣщеніяхъ представленій русской труппы считалось чѣмъ-то непозволительнымъ. За послѣднее время, когда наша администрація отказалась отъ русификаціи населенія въ средстве театра и совсѣмъ перестала вмѣшиваться въ это дѣло, гастроли русскихъ труппъ имѣютъ у насъ, въ Варшавѣ громадный успѣхъ, и представленія этихъ труппъ посѣщаются преимущественно мѣстнымъ польскимъ и еврейскимъ обществомъ.

Вильна. Городской театрѣ сланъ на будущій сезонъ З. А. Малиновскаго.

Владимиръ. Намъ пишутъ: „Съ артисткой труппы П. П. Медвѣлева, г-жей Бронской, приключился пренебрягный инцидентъ. Принявъ участие въ дивертисментѣ одного изъ благотворительныхъ вечеровъ, она прочла нѣсколько мелодекламаций, по содержанию далеко не революціоннаго характера, какъ это усмотрѣлъ слишкомъ бдительный слухъ власти. На слѣдующій же день г-жа Бронская, совершенно неожиданно для себя, была приглашена для объясненій къ лицу замѣняющему генераль-губернатора, который отсутствовалъ. Въ результатѣ этого объясненія г-жа Бронская была приговорена къ штрафу въ 100 руб. На этомъ однако инцидентъ не исчерпывается; прі-

ѣхавшему вскорѣ г. генераль-губернатору докладываютъ обо всемъ происшедшемъ въ преувеличенномъ видѣ. Г. генераль-губернаторъ находитъ мѣру наказанія, въ видѣ штрафа, слишкомъ слабой и рѣшилъ г. Бронскую подвергнуть высылкѣ изъ Владикавказа въ двухнедѣльный срокъ, давъ въ этотъ срокъ антрепренеру возможность пріискать другую актрису.

Вполнѣ примирившись со своей участью и отклонивъ искреннее предложеніе представителей общества во главѣ съ театральной комиссіей, желавшихъ явиться депутацией къ г. генераль-губернатору съ просьбой измѣнить рѣшеніе, г-жа Бронская вызвалась лично посѣтить г. генераль-губернатора, дабы правдиво освѣтить весь инцидентъ.

Выслушавъ объясненіе г-жи Бронской и детально провѣривъ въ фактахъ все изложенное въ докладѣ, г. генераль-губернатору удалось установить абсолютную невиновность г-жи Бронской и къ удовольствію какъ театральной семьи, такъ и театральной публики, приговоръ былъ отмѣненъ.

Гродно. Здѣсь состоялось съ успѣхомъ 5 гастролей. Г. В. Пановой. Антрепренеръ г. Викторъ пригласилъ г-жу Панову играть до конца сезона.

Енагоринославы. Намъ пишутъ: „Пріѣхавшая къ намъ послѣ долгихъ блужданій опереточная труппа А. А. Тонни, начавшая у насъ спектакли 26 декабря, въ настоящее время прекратила спектакли. Дѣло совершенно распалось. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, многимъ не заплачено и есть такіе, которымъ не на что выѣхать изъ города.“

Златоустъ. Здѣсь приступаютъ къ постройкѣ народнаго дома. Городская управа на сей предметъ ассигновала 14,000 рублей и общество трезвости—10,000 руб.

Казань. Режиссеръ казанскаго городского театра М. А. Долиновъ приглашенъ на лѣтній сезонъ въ г. Ташкентъ режиссеромъ въ драматическую труппу З. Малиновской и А. Полонскаго, а на предстоящій постъ главнымъ режиссеромъ въ гастрольную поѣздку, устраиваемую Л. М. Добровольскимъ по польскому краю.

— „Старый театраль“ въ „Волжско-Камской Рѣчи“ возмущенъ постановкой съ благотвор. цѣлью въ гор. театрѣ фарса „У васъ есть что предъявить?“ Достается отъ него и театральной комиссіи, и Н. И. Соболевскому-Самарину, и артистамъ, не заявившимъ протеста противъ оскорбительнаго для нихъ участія въ подобныхъ фарсахъ.

Конечно, многое въ словахъ „Старога театрал“ справедливо, но не будемъ останавливаться на этомъ, въ сущности, малозначительномъ вопросѣ. Но по классификаціи г. казанскаго губернатора „У васъ есть что предъявить?“ относится къ категоріи пьесъ высококлассическихъ?..

Намонецъ-Подольскъ. Здѣсь учреждается об-во изящныхъ искусствъ. Уставъ подписанъ, въ числѣ другихъ лицъ, преосвященными Парфеніемъ и Никономъ.

Кіевъ. Намъ пишутъ: Въ теченіе поста въ театрѣ „Соловцовъ“ антреприза Брыкина-Валентинова (у которой въ городскомъ будетъ гастролить Гай и Собиновъ) поставитъ рядъ оперетокъ съ оперными артистами, при чемъ 10% со сбора за эти спектакли назначаются антрепризой въ пользу Убѣжища Театрального Общества.

Кострома. Въ настоящее время близится разрѣшеніе вопроса о томъ, кому сдать городской театръ на сезонъ 1908—1909 года.

Въ засѣданіи 25 января театральная комиссія высказалась въ пользу г. Голицына-Онѣгина, но рѣшила вопросъ о сдачѣ театра оставить пока открытымъ и навести справки о томъ, каковы были результаты его дѣятельности въ городахъ его прежней антрепризы.

— „Заговоръ Фіеско“ Шиллера къ представленію на мѣстной сценѣ запрещенъ администраціей. Расклеенныя афиши сорваны.

Кутаисъ. 14 января труппой г-жи Яворской поставлена была „Хорошенькая“, Найденова. Пьеса не дала сбора, и труппа принуждена была отказаться отъ дальнѣйшихъ гастролей. Не дѣлаетъ никакихъ сборовъ и начавшая здѣсь съ 15 янв. гастроль малороссійская труппа Колесниченко. Первый спектакль окупилъ расходы, а послѣдующіе прошли при пустомъ залѣ.

Одесса. Театральная комиссія оштрафовала г. Никулина въ 200 р. за устроительство втораго бенефиса г. Недѣлина, по контракту не разрѣшаемаго.

— Въ гор. театрѣ, во время утренняго представленія „Дѣти капитана Гранта“, выстрѣломъ изъ ружья былъ раненъ артистъ Савельевъ и статистъ.

— Артистъ гор. театра г. Романовскій заболѣлъ, словавъ себѣ ключицу.

Оренбургъ. Есть еще на Руси города, гдѣ живетъ привольно, дышется свободно. Къ ихъ числу относится и Оренбургъ. Въ гор. театрѣ уже дважды прошелъ „Король“ С. Юшкевича и „Къ звѣздамъ“ Л. Андреева. Много писемъ получаетъ наша редакція съ просьбой объяснить странное положеніе вещей—пьесы, которыя такъ „пугаютъ“ Петербургъ, въ провинціи преспокойно идутъ то тутъ, то тамъ и никакихъ „основъ“ не подрываютъ. Отвѣтъ нашъ одинъ—все зависитъ отъ пресвященнаго взгляда мѣстной администраціи.

Петровскъ. Намъ сообщаютъ: здѣсь подвизается товарищество, сформированное „Союзомъ Сцен. дѣятелей“. Дѣла плохи. Раздоры чрезвычайные. Для рассмотрѣнія жалобъ и переборовъ товариществомъ былъ „командированъ“ членъ наб. комит., г. Залѣсовъ. Однако, и самая добросовѣстная „сенаторская ревизія“ едва ли поможетъ. Изъ ничего и выйдетъ ничего.

Ростовъ-на-Дону. Фарсъ Новикова въ Машонкинскомъ театрѣ потерпѣлъ, какъ и опера Шумскаго, крахъ. Спектакли, за отсутствіемъ сборовъ, прекратились.

Саратовъ. Съ 7 февраля въ театрѣ Очкина начнутся гастроліи бывшаго артиста театра „Соловцова“ въ Кіевѣ П. Л. Скуратова. Артистъ выступитъ въ нѣсколькихъ пьесахъ. Послѣднее время П. А. Скуратовъ гастролитовалъ въ Москвѣ у В. А. Сашина.

Тамбовъ. На постъ театръ снятъ подъ оперу Н. И. Филиповымъ. Формируется труппа.

Тифлисъ. Режиссеръ казеннаго театра Ц. О. Урбанъ на предстоящій великопостный сезонъ приглашенъ режиссеромъ въ одесскій город. театръ, въ италіанскую оперу дирекціи Ф. Кастеллано.

— Постановка Л. Б. Яворской тетралогіи „Розы“ приурочена къ 50-лѣтію со дня рожденія Г. Зудермана, недавно исполнившемуся.

Харбинь. Харбинскій художественно-арт. театръ сгорѣлъ до основанія 9 декабря. Пожаръ начался за полчаса до спектакля. Отъ соединенія проводовъ загорѣлось въ литерныхъ ложахъ надъ главнымъ выходомъ. Деревянные переборки, портьеры и мебель дали богатую пищу огню и уже черезъ десять минутъ пылала вся сцена, декоративная. Меньше чѣмъ черезъ два часа отъ всего зданія, построеннаго изъ легкаго матеріала, не оставалось и слѣда. Ничего спасти не удалось. Погибла обстановка, декорации, богатая коллекція париковъ, бібліотека, буфетъ и много костюмовъ. Въ этотъ вечеръ должна была идти „Турандотъ“ и для пьесы были взяты на прокатъ дорогіе, старинные костюмы изъ китайскаго театра. Когда начался пожаръ, китаецъ-антрепренеръ прибѣжалъ спасать свое добро и бросился прямо во внутрь пылавшаго зданія... Нашелъ ли бѣдныя, что искалъ или нѣтъ, только назадъ онъ не вернулся.

На другой день раскопки пожара обнаружили четыре труппы: двухъ китайцевъ, сторожа-индуса и неизвѣстнаго. Убытокъ до 100,000 руб. Артисты не пострадали.

Харьковъ. Намъ пишутъ: Въ оперномъ театрѣ праздничный періодъ прошелъ блестяще, — сдѣлано было свыше 17,000 р. Такихъ сборовъ здѣсь еще не бывало. Сезонъ, очевидно, установитъ рекордъ въ 150—155,000 руб. При такихъ условіяхъ „вѣшалка“ принесетъ арендатору клуба не менѣе 16—17 тысячъ руб. Коммерческій клубъ, учитывая подобную сумму, полагаетъ, что и будущій сезонъ принесетъ такую же жатву. Большое заблужденіе! Такія дѣла возникли случайно и въ близкомъ будущемъ повториться не могутъ. Товарищество Максакова, тѣмъ не менѣе, полнымъ рублемъ на марки не получилъ, ибо бюджетъ его достигаетъ 32,500 руб. Въ драмъ сборы были средніе. Послѣ праздниковъ сборы сильно упали, такъ что явилась нелѣпая мысль о поѣздкѣ труппы въ Полтаву, съ замѣной ея здѣсь... бр. Адельгеймъ, передъ этимъ бывшими въ Полтавѣ. Харьковская драма, повезшая въ Полтаву всѣ свои новинки: „Марья Ивановна“, „Съ волною“, „Гусарскую лихорадку“ и др., съѣздила въ сильный себѣ убытокъ, а бр. Адельгеймъ сдѣлала 3 аншлага изъ 6-ти спектаклей, взявъ на кругъ почти что по тысячѣ рублей, и публика, впервые увидѣвшая братьевъ въ такомъ театрѣ какъ городской и съ сравнительно недурной труппой, отнеслась къ нимъ съ большимъ интересомъ и оказала имъ блестящій приемъ...

— Товарищество московскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ М. К. Максакова составило турнѣ для поста и Пасхи, — Воронезъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Составъ значительно сокращается; хоръ въ 30 человекъ, оркестръ около того и персонажи уменьшены почти на половину. Бюджетъ не долженъ быть выше 20 тысячъ рублей. Репертуаръ будетъ сильно обновленъ для всѣхъ этихъ городовъ.

— Великимъ постомъ въ театрѣ Грикке предположены спектакли труппы драматическихъ артистовъ, въ составъ ея войдутъ нѣкоторыя силы изъ труппы г. Соколовскаго.

— Предполагавшіеся въ городскомъ театрѣ спектакли фарсовой труппы изъ Петербурга не разрѣшаются генераль-губернаторомъ, запретившимъ вообще постановку фарсовъ въ харьковскихъ театрахъ.

— Гастроліи В. В. Люце въ оперѣ проходятъ съ неслыханнымъ успѣхомъ: изъ 10 спектаклей только три не имѣли аншлаговъ. Артистку засыпаютъ цвѣтами. На кругъ она сдѣлала около 1,700 р. за спектакль! Настоящая Маскотта для оперы. Зато промежуточные спектакли сильно страдаютъ.

— Лѣтомъ въ саду „Тиволи“, съ конца іюня по середину сентября, будетъ играть труппа г. Суходольскаго.

Херсонъ. Городской театръ данъ артисту г. Лебедеву.

МИХАИЛОВСКІИ ТЕАТРЪ.

„Король“, С. Юшкевича. (Послѣдняя роль В. Н. Давыдова—Гроссманъ).
Рис. А. Любимова.

Музыкальныя замѣтки.

Ницше, разочаровавшись въ Вагнера, призналъ величайшею оперою „Кармень“, на томъ основаніи, что нигдѣ діонисіевское начало, составляющее истинную сущность искусства, не нашло такого полного воплощенія, какъ въ названномъ произведеніи Бизе. Насчетъ діонисіевского начала съ великимъ философомъ можно, пожалуй, поспорить. Мало ли другихъ оперъ, въ которыхъ страсть, доведенная до экстаза, выражена съ неодолимою силою? Развѣ, напримѣръ, въ „Тристанъ и Изольда“ или „Фаустъ“ (оргазмъ индивидуальный) или въ 4 дѣйствіи „Гугенотъ“ (оргазмъ массовый) діонисіевское начало отразилось слабѣе, чѣмъ въ „Кармень“? Но, расходясь съ Ницше относительно его мотивировки, я вполне раздѣляю его аттестацію оперы Бизе. Послѣ моцартовскаго „Донъ-Жуана“, ни одна опера такъ не приблизилась къ оперному идеалу, какъ „Кармень“. И я твердо увѣренъ: когда опера вообще свергнетъ мертвящія оковы условности, когда начало художественной правды и въ этой отрасли искусства будетъ поставлено „во главу угла“, когда отсюда выметена будетъ вся нынѣшняя фальшь, когда, наконецъ, подъ вліяніемъ но-

выхъ идей, народится новая формація оперныхъ исполнителей и режиссеровъ.—то первая опера, на которой реформаторы попытаются примѣнить свои преобразовательныя стремленія, будетъ именно „Кармень“. Это потому, что ни въ какой другой оперѣ общечеловѣческая сущность души не схвачена съ такою жизненною силою, какъ въ знаменитомъ произведеніи Бизе. Кармень такой же вѣчный образъ, какъ безсмертны литературные тѣлы великихъ поэтовъ и драматурговъ. Несмотря на то, что вся опера проходитъ въ обстановкѣ крайне оригинальной, своеобразной и самобытной, окрашенной особымъ мѣстнымъ колоритомъ,—характеры дѣйствующихъ лицъ и особенно героини насквозь проникнуты общечеловѣческимъ содержаніемъ, характеризующимъ лучшихъ созданія творческаго духа. Кармень—не оперный персонажъ, не поющая кукла, какъ большинство оперныхъ фигуръ. Это—живое лицо, съ плотью и кровью, со слабостями и достоинствами, съ порывами и колебаніями, съ муками и восторгами, со всѣмъ разнообразіемъ жизненныхъ чертъ. Словомъ, это—истинно художественный образъ. Неудивительно, потому, что даровитѣйшія оперныя пѣвицы, которыя, сознательно или бессознательно, не могли мириться съ ролью поющихъ машинъ, отведенною имъ въ современныхъ операхъ, жадно хватались за партію „Кармень“. Вѣдь, во всей оперной литературѣ это единственная

роль, гдѣ живой человѣкъ можетъ проявить себя живымъ человѣкомъ. И еще замѣтите. Слыхали ли вы когда нибудь про разные толкованія партіи Травіаты, Джилды, Брунегильды или какъ ихъ тамъ еще зовутъ? Бывали разные голоса, различное вокальное совершенство, различная музыкальность, различные темпераменты и т. д., но, въ отношеніи толкованія, всѣ исполнительницы всегда похожи были другъ на друга. Собственно, и толкованія-то никакого не было, ибо нельзя же этимъ именемъ называть бессмысленные жесты оперныхъ маекеновъ. Только въ одной партіи Кармень толкованіе стало не только возможно, но и безусловно необходимо. Оно и понятно. Типъ, какъ плодъ обобщенія, отвлекается отъ конкретной обстановки. Поэтому, какъ бы жизненно онъ ни былъ обрисованъ, онъ, все-таки, въ извѣстномъ смыслѣ, долженъ быть схематиченъ, хотя бы уже въ силу абстракціи. Но исполнитель не можетъ довольствоваться отвлеченною схемою. Онъ долженъ конкретизировать роль, чтобъ имѣть подлѣ собою реальную опору. Это конкретизированіе достигается лишь преломеніемъ замысла драматурга въ индивидуальности самого исполнителя. Изъ всѣхъ отдѣльных чертъ данного типа артистъ выдѣляетъ на первый планъ тѣ, которые наиболѣе отвѣчаютъ его собственной организаціи, свойствамъ его личнаго дарованія. И затѣмъ начинается приспособленіе замысла автора къ пониманію самого артиста. Весь фокусъ роли передвигается въ сторону индивидуальности исполнителя. Это-то и есть „толкованіе“. Тамъ, гдѣ типъ даже не намѣченъ, хотя бы и самыми незначительными штрихами, исполнителю только и остается, что дѣлать оперные жесты. Но коль скоро характеръ начерченъ, исполнитель не можетъ оставлять мертвымъ автоматомъ. Онъ долженъ проявить свою индивидуальность. Партія Кармень даетъ богатѣйшую канву для художественныхъ узоровъ исполнительницы. Поэтому, и роль подверглась самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Однѣ артистки выдвигали на первый планъ эмоциональную сторону характера цыганки, отмѣчая непосредственность ея чувствъ. Другія идеализировали Кармень, изображая ее махровымъ цвѣткомъ, выросшимъ на сорной почвѣ. Третья придавали ей романтической обликъ, надѣляя демоническими чертами. Четвертая становилась на чисто бытовую сторону, усматривая въ Кармень простую проститутку съ атрофированною половую моралью. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но самымъ интереснымъ слѣдуетъ признать толкованіе Маріи Гай, подвизавшейся теперь въ театрѣ консерваторіи.

Марія Гай—реалистка въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Въ ея толкованіи Кармень—чувственная натура, сознающая всю власть животного начала надъ человѣкомъ. Она невысокаго мнѣнія о мужчинахъ. Это простые самцы, у которыхъ стоитъ только пощекотать спинномозговые инстинкты, чтобъ отнять у нихъ разумъ и волю.

Капитанъ Цунига для простой цыганки большая шишка, но она третируетъ его en canaille, ибо она понимаетъ, что достаточно легкаго физиологическаго воздѣйствія, чтобъ изъ грознаго начальника превратить его въ послушнаго барана. Къ неспорченному идеалисту Хозе нужно примѣнить болѣе тонкое кокетство, но и онъ не устоитъ предъ обаяніемъ ея чаръ. Она вѣетъ изъ него веревки, пока не является новый факторъ—безумная ревность. Когда Донъ-Хозе приходится бросить жребій между ею и Микаэллою, она спокойна. Она знаетъ, что вся безпорочная чистота нѣжно любящей Микаэиллы ничто въ сравненіи съ опьяняющими ласками ея знойной страсти. Прекрасная, жизнерадостная, задорная, кипучая, цвѣтущая избыткомъ жизненныхъ силъ, сама пылающая, какъ бодрый призывъ къ наслажденіямъ жизни,—она исполнена сознанія своей неодолимой силы. Но, побѣждая мужчинъ, вслѣдствіе слабости ихъ воли предъ натискомъ чувственныхъ порывовъ, она тоже въ свою очередь, платитъ обильную дань этой слабости. Она сама жертва темперамента. Для нея самой, внѣ любви, нѣтъ смысла жизни. Любить или не жить—вотъ ея девизъ. И когда она увидѣла могучаго отважнаго, пламеннаго торреадора, она затрепетала. Сила, смѣлость и страсть, вѣдь, это истинный идеаль вѣханки. И она отдалась новому чувству съ беззавѣтною экзальтаціею. Она, которая раньше увлекла другихъ съ роковою силою, сама увлеклась до самозабвенія. Какою жалкою тряпичею казался ей теперь донъ-Хозе, этотъ вѣчно хныкающій теленокъ, вымаливавшій ея любовь, какъ подачку, пресмыкавшійся у ея ногъ въ пароксизмъ страсти. То ли дѣло Эскамилло—живое воплощеніе мужественной силы и неукротимой воли. А тутъ еще ореолъ славы, преклоненіе толпы предъ ея идоломъ!

Такъ ей ли бояться ножа обезумѣвшаго отъ ревности Хозе? Она ясно видитъ, что смерть неизбежна. Но развѣ это можетъ ее остановить, когда ея сердце рвется къ тому, кто теперь на площади шествуетъ гордымъ побѣдителемъ, привѣтствуемый восторженными кликами народа?

Не правда ли, какъ въ этомъ толкованіи все просто, ясно и естественно? Здѣсь сама жизнь,—заправская, доподлинная, а не придуманная и приукрашенная красивыми небылицами. Да, такую должна быть Кармень—такую, а не другую—и когда вы смотрите на г-жу Гай, вамъ даже кажется страннымъ,

какъ это можно было Кармень представить иною. Внѣшность г-жи Гай какъ нельзя болѣе соответствуетъ изображаемому ея характеру. Типичная красавица юга, съ черными, какъ уголь, глазами, то пылающими жгучею страстью, то тихо свѣтящимися нѣжною истомою, съ сочными коралловыми губами, задорно улыбающимся и то и дѣло обнажающимъ рядъ ослѣпительной бѣлизны зубовъ, гибкая и порывистая въ своихъ движеніяхъ, какъ истинное дитя природы, чувствующая сильно и откликающаяся на все искренно и безудержно—г-жа Гай даетъ такой яркій и цѣльный образъ, который запечатлѣвается въ мозгу навсегда. Она все время живетъ на сценѣ. Каждое ея движеніе—яркій штрихъ художника, дополняющій смыслъ цѣлаго. Ни одна черточка не нарушаетъ общаго замысла.

Она иногда переигрываетъ, преувеличивая вульгарность маекеръ Кармень. Но эти излишнія подчеркиванія, не внося дисгармоніи въ общей характеристикѣ, могутъ быть объяснены скорѣе желаніемъ сдѣлать понятнымъ все публикѣ, не владѣющей италіанскимъ языкомъ, и особенно ненормальною обстановкою исполненія: г-жа Гай поетъ по-италіански, а всѣ остальные—по-русски. Что ни говорите, но возбужденіе, получаемое артистомъ отъ партнеровъ, далеко не маловажное обстоятельство. Представьте себѣ артиста, исполняющаго роль безъ реплики другихъ артистовъ. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о вдохновеніи?

Послѣ глубоко жизненной и художественной игры г-жи Гай, какъ-то совѣстно говорить объ оперныхъ автоматахъ, ее окружавшихъ. Они издавали звуки, болѣе или менѣе музыкальные, прижимали ручки къ сердцу или плавно размахивали ими въ пространствѣ, какъ рѣущія въ воздухѣ птицы, вытягивали туловище какъ-то неестественно впередъ, или корчились въ невѣроятныхъ позахъ, взбирались на цыпочки и краснѣли, какъ удавленники, на высокихъ нотахъ, изображали на деревяно-бесмысленныхъ лицахъ какія-то неподобныя гримасы,—словомъ пѣли и играли, какъ принято у оперныхъ артистовъ

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Король“, С. Юшкевича.
Эршъ—А. П. Петровскій.
Рис. А. Любимова.

ТЕАТРЪ КОНСЕРВАТОРИИ.

А. П. Розановъ въ роли Хозе.
(„Карменъ“).

какъ бы желая рѣзче подчеркнуть неизмѣримую разницу между художественною правдою и нестерпимою фальшью опернаго шаблона. Если такова была ихъ цѣль, то отъ души ихъ поздравляю. Они выполнили свою задачу почти блестяще. После этого и слѣпой долженъ быть увидѣть, какой разлагающей трупъ, такъ называемое, оперное искусство. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благодарнымъ г-жу Гай. Она наглядно показала намъ, чѣмъ долженъ и можетъ быть оперный артистъ въ искусствѣ будущаго. Она приподняла завѣсу на уголокъ будущаго и въ туманной дали надвигающагося грядущаго открыла намъ соблазнительныя перспективы чего-то великаго, прекраснаго и возвышеннаго.

И. Кюроловскій.

Дузэ и Дунканъ.

Предвижу, что уже самое заглавіе возбуждаетъ негодованіе страстныхъ поклонниковъ гениальной драматической артистки. Помилуйте, что общаго между ней и «босоножкой», между великимъ искусствомъ и чуть-ли не порнографіей, по меньшей мѣрѣ шарлатанствомъ, гдѣ вся суть будто-бы въ «босоножій». Дузэ—тѣ вершины искусства, дальше которыхъ идти некуда, гдѣ уже никто не споритъ, а всѣ преклоняются.

Про Дунканъ еще недавно пописывали, что она профанируетъ музыку знаменитыхъ композиторовъ, и усиленно поговариваютъ, особенно дамы, будто бы ея искусство «только для мужчинъ». Наивно конечно было-бы отрицать, что чувственность играетъ крупную роль въ воспріятіяхъ отъ искусства Дунканъ у многихъ ея поклонниковъ въ извѣстномъ опредѣленномъ смыслѣ. Но въдь отъ такихъ чувственныхъ воспріятій не застрахованы и признанные шедевры чистой красоты — античныя статуи.

Застарѣлый пуризмъ, аскетическая однобокость—въ грубомъ пониманіи чувственности, въ столь все еще рѣзкой и уже явно нелѣпой въ области искусства грани между чувственностью и духовностью!

Великая драматическая артистка и оригинальная выразительница музыки пластикой можетъ быть являются яркимъ и прекраснымъ дополненіемъ другъ друга и сливаются по временамъ въ гармоническую групу.

Я думаю у всѣхъ, кто видалъ Дузэ, на всю жизнь осталось могучее, безконечно сладкое и отрадное чувство, ни съ чѣмъ несравнимое. Когда въ юности грезилъ о красотѣ человѣка, объ «идеалѣ», о сліяніи внѣшности съ тонкостью, нѣжностью и прелестію душевной организаціи, когда уже «она склонѣ» томишься скукой и тоской окружающей страсти и гамлетовскіе вопросы какъ-бы разрѣшаются нелѣпой общей программой «жизни человѣка», гдѣ, казалось-бы, ужъ не найтѣ захватывающей потрясающей красоты,—встаютъ моменты высшихъ переживаній, какіе даютъ жизнь и искусство, встаютъ такія чарующія явленія, какъ Дузэ. И думаю, многимъ знакомо то чувство праздника, особаго счастья, которое носишь въ себѣ послѣ спектаклей Дузэ. Она больше, чѣмъ театръ, больше, чѣмъ драматическая артистка, она завоевательница, которая только одна имѣетъ право понирать законы. Но именно потому въ холодные «часы раздумья» нельзя строить общія теоріи на основаніи ея дара, нельзя суживать сложныя задачи театра. Даръ Дузэ выше театра, но театръ шире его.

Едва-ли когда-нибудь можно придти къ одной только задачѣ театра, ибо театръ не синтезъ, а своеобразное совмѣщеніе разныхъ художественныхъ областей, откуда его разносторонность, возможность самаго широкаго удовлетворенія и такой захватъ широкой публики.

Въ театрѣ какъ бы одновременно царствуютъ нѣсколько законныхъ царей; пусть овладѣваетъ нами то одинъ, то другой, лишь-бы только ихъ драгоценныя олъбіянія блестяли неподдѣльнымъ блескомъ. Самые могущественные изъ нихъ—царь-драматургъ и царь-актеръ, и мы готовы преклониться и предъ тѣмъ и предъ другимъ, разъ они проявляютъ свою власть черезъ такихъ богатырей, какъ Ибсенъ или какъ Дузэ. Въ Дузэ нѣтъ дара сценическаго перевоплощенія. Она дѣйствительно, какъ отмѣтилъ А. Р. Кугель, ведетъ борьбу съ авторами и желаетъ царствовать одна. Но у нея огромный феноменальный даръ воплощенія и выявленія глубокой красоты внутреннихъ сложныхъ человѣческихъ переживаній при помощи театра, театральныхъ средствъ, либретто, въ которыя она превращаетъ пьесы авторовъ. Кто не помнитъ очаровательныхъ грезъ юности на «галеркѣ» и въ «меблированной комнатѣ», той поры, когда для гимназиста или студента «артистка» сливалась съ «человѣкомъ»? Наивно конечно непремѣнно сливать артистическія переживанія съ реалистическими, едва-ли даже физически возможна такая интенсивность подобнаго сліянія. Весьма вѣроятно, что присутствуютъ двѣ совершенно разныхъ Дузэ—на сценѣ и въ жизни.

Но въ огромномъ художественномъ дарѣ Дузэ какая-то изумительная гармоничность сочетанія «внѣшнихъ данныхъ» и внутренней глубокой красоты, поражающая своей убѣдительностью какъ-бы неподдѣльность и переживаній, и ихъ художественнаго выявленія. Въ каждой дугѣ гнѣздится глубокая меланхолия не вслѣдствіе «разочарованія въ жизни», а вслѣдствіе основной какъ-бы прирожденной надломленности, обусловливаемой незаживающей раной, мучительностью вѣчнаго вопроса, вѣчной загадки самаго существованія. Отсюда такая сложность и тонкость многочисленныхъ переживаній, самыхъ воспріятій отъ жизни.

И вотъ въ художественномъ выявленіи и самой

основы и этихъ переживаній и воспріятій—такая потрясающая красота, такое наслажденіе, такая праздничная радость. Здѣсь спасеніе, здѣсь громко звучащіе намеки. Вѣдь разъ существуетъ такая красота воплощенія, сами собой подразумеваются огромность и цѣнность вызывающей его сущности. Пусть загадка, пусть неизвѣстность, но только не бессмысленное горѣніе, кончающееся «превращеніемъ матеріи и энергіи», базаровскимъ лопухомъ. Надломленность, внутренній разладъ можетъ быть особенно интенсивно, хотя нерѣдко и бессознательно, сказываются въ женщинахъ, благодаря самой природѣ женской, дающей жизнь и какъ-бы чувствующей одновременно и огромность задачи, и неразрѣшимость ея. Тайна женственности, ея обаянія не только въ тайнѣ пола, его притягательности, а и въ этой глубокой сущности женственнаго начала, которое нерѣдко вложено и сильно развито и въ мужчинахъ, какъ на примѣръ въ Гамлетѣ, Чацкомъ, Раскольниковѣ. Дузэ воплощеніе высшей красоты женственности. На щемящемъ фонѣ меланхоліи, тоски по неизвѣстномъ,—ювелирно-драгоценная филигранность тончайшихъ переживаній, смутныхъ иногда противорѣчивыхъ чувствъ, гдѣ грусть, нѣжность, любовь, кроткое преклоненіе передъ неизбежнымъ прорѣзываются зигзагами демонизма, темными, но властными запросами природы, острыми, страстными и безжалостными переживаніями, несущими смерть и себѣ, и другимъ. Сумбурное, смутное, можетъ быть отталкивающее въ жизни, блестящее въ художественномъ воплощеніи переливами тончайшихъ музыкальных отблнкковъ, утонченно красивыхъ красокъ, гдѣ гармонически разрѣшаются даже противорѣчія и диссонансы. Можетъ быть среди всѣхъ образовъ Дузэ самый плѣнительный и оригинальный—образъ «трактирщицы» (отъ которой конечно далека была Гольдони)—тончайшее олицетвореніе женственной надломленности: даже здѣсь, въ очаровательной и своеобразной граціи веселости, остроумія и жизнерадости, скрываетъ демонъ меланхоліи, вносящій чуть замѣтную и такъ странно гармоничную и сладкую отраву въ казалась-бы чуждый ей образъ. Дальше можетъ быть некуда идти въ смыслѣ субъективизма, индивидуальности и тонкости дарованія.

Огромностью интуиціи, художественнаго темперамента объясняется и огромность техники, той изумительной, опять какъ бы прирожденной техники, по сравненію съ которой можетъ показаться грубымъ самое тонкое «сценическое» мастерство. Какъ всегда на вершинахъ искусства, нельзя отдѣлить форму отъ подражанія: дары интуиціи и внѣшняго воплощенія тѣсно гармонически слились.

Жестъ, поза, мимика вытекаютъ сами собой изъ внутренняго образа и создается феноменъ—цѣльное, драгоценное, какъ бы живое художественное произведеніе, гдѣ Дузэ-человѣкъ неотдѣлимъ отъ воплощаемыхъ художественныхъ образовъ. Потому не можетъ быть рѣчи, конечно, о школѣ Дузэ, даже о простомъ подражаніи ей, ибо художественность ея созданій обуславливается *только ея* обликомъ, *только ея* безконечно индивидуальной граціей, *только ея* интуитивнымъ постиженіемъ. Въ этомъ смыслѣ Дузэ и въ театрѣ, и внѣ театра. Театръ даетъ ей средства, но она попираетъ его цѣнности, не вслѣдствіе ихъ относительности, а потому, что, какъ феноменъ, имѣетъ на это право. Можно расширять театръ до преклоненія, въ исключительныхъ случаяхъ передъ, казалось бы, незаконной узурпаціей,—но нельзя суживать его до добровольнаго обрубанія законныхъ цѣнностей. Конечно, смѣшно жаловаться, какъ дѣлаютъ очень многіе, на плачевность

ТЕАТРЪ КОНСЕРВАТОРІИ.

Марія Гай въ роли Кармень.

антуража и репертуара Дузэ. Талантъ и искусство ея поглощаютъ все окружающее и здѣсь именно «не нужно словъ», не важны слова. Литературныя достоинства, текстъ пьесъ Дюма и Сарду могутъ быть ничтожны, даже пошлы, но вѣдь онѣ дѣйствительно необходимы только какъ либретто, подсылающія сценическія положенія, дающія фонъ для вышиванія самостоятельныхъ художественныхъ узоровъ, ибо все дѣло здѣсь въ пластической передачѣ внутренней музыкальной красоты.

И въ жизни, и въ искусствѣ слова могутъ быть грубы и не въ силахъ передать наиболѣе высокія и тонкія переживанія. Въ искусствѣ Дузэ они цѣнны не сами по себѣ, а какъ инструментъ, аккомпанирующій основной музыкѣ глубочайшихъ молчаливыхъ переживаній, о которыхъ говоритъ Метерлинкъ. Разумѣется, именно высшимъ проявленіямъ искусства свойственна одухотворенная пластичность, говорящая музыкальными намеками болѣе краснорѣчиво, чѣмъ словами.

Въ одухотворенной пластичности—слияніе и духовности, и чувственности. Чувственныя воспріятія въ широкомъ смыслѣ кончаются духовными эмоціями, ибо—что, какъ не чистое духовное наслажденіе даютъ очертанія шеи и плечъ Венеры Милосской? Съ другой стороны именно на сценѣ, въ театрѣ, самыя чистыя духовныя воспріятія тѣсно слиты съ чувственными, благодаря живому конкретному облику, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется такое исключительное могущество театра.

И вотъ здѣсь область красоты Дузэ, какъ бы переходитъ въ область красоты Дунканъ. Развѣ можно представить себѣ переживанія Дузэ отдѣльно отъ всего ея облика? Развѣ можно представить себѣ «танцы Дунканъ» безъ оригинальнаго и счастливаго соединенія въ ея обликѣ эллинской пластичности, утонченности фигуръ Россети и Бернъ-Джонса и какой-

то трогательной современной некрасивости? Чувственность—звѣрь, но въ основѣ и тайна такая же, какъ духовность; онѣ слиты, связаны тѣсными корнями въ темной глубинѣ всего созданія, о чемъ такъ ярко намекаетъ проблема пола. Трогательны борьба со звѣремъ, искреннее негодование передъ проявленіями, но какой бы безконечно сѣрой пеленой задернулась жизнь, если бы исчезли области воспріятій, области искусства, неразрывно связаннаго съ чувственностью, съ ея глубокими законными основами! Было бы излишнимъ лицемѣріемъ отрицать роль чувственности въ воспріятіяхъ отъ искусства, но тамъ, гдѣ чувственность переходитъ въ красоту, исчезаетъ звѣрь. Въдѣ несомнѣнно насъ духовно радуется красота жизни здорового тѣла. Все дѣло въ широтѣ пониманія, широтѣ воспріятія красоты. Надломленность, меланхолия уживаются съ улыбкой, радостью жизни. Духовная прелесть женственности какъ бы подчеркивается, одѣвается

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУР.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.

„Ренессансъ“.

Мирра (г-жа Валерская).

Рис. М. Слѣпьяна.

яркими красками чувственности. Но сама чувственность незамѣтно переходитъ въ музыку, въ духовность.

Звѣрь укрощенъ Орфеемъ.

Прелесть танцевъ Дунканъ въ ихъ музыкальности, въ несомнѣнномъ и тѣсномъ сліянніи пластики съ музыкой. Ясно, что они будутъ говорить только своей чувственностью тѣмъ, у кого слабо развита способность къ пластическимъ или музыкальнымъ воспріятіямъ. Ясно, что необходимая для утонченности передачи обнаженность тѣла будетъ прежде всего шокировать ихъ своимъ неприличіемъ. Танцы Дунканъ не бессмысленные акробатическіе пируэты балетныхъ примадоннъ, а здоровая грація и красота движеній тѣла, выражающихъ музыкальныя эмоціи и потому они не только радость для глазъ, а мѣстами такъ трогаютъ драматизмомъ и патетичностью, такъ серьезны, какъ серьезная музыка.

Прообразъ ихъ несомнѣнно древніе эллинскіе танцы, но художественный смыслъ уже иной. Въ нихъ современная утонченность, говорящая безъ

словъ особымъ проникновеніемъ, интуитивнымъ постиженіемъ, выявленіемъ во внѣ женственности, ея внѣшней граціи и красоты. Въ танцахъ Дунканъ, быть можетъ, особенно яркіе намеки на возможность сліяннія искусствъ, на ихъ общую основу. И несомнѣнно, въдѣ они тоже театръ, если подъ театромъ широко подразумѣвать искусство, гдѣ орудіемъ выявленія является самъ человѣкъ, гдѣ одинаковую роль играютъ и зрительныя и слуховыя впечатлѣнія.

Оставляя въ сторонѣ ширину захвата, мѣрки талантности и геніальности, мы придемъ къ одному и тѣмъ же основамъ сущности искусства. Въ Дузо духовная красота, грація, тайна глубочайшихъ переживаній, вылившіяся въ прекрасную внѣшнюю форму, въ танцахъ Дунканъ прекрасная внѣшняя форма, внѣшней граціей и красотой говорящая о сліянніи чувственного съ духовнымъ. Дузо и Дунканъ какъ-бы исчерпываютъ художественное выявленіе женственности, женственного начала. И тамъ, и здѣсь одна общая широкая красота. Основа ея музыка, не какъ определенное искусство, а какъ основное начало высшего искусства,—не определенное, но тѣмъ болѣе волнующее и эмоціонально захватывающее, корни котораго въ глубинѣ неизвѣстнаго, чувственность претворяющаго въ красоту, озаряющаго такими намеками на высшую радость, высшее счастье.

А. Ростиславовъ.

Памяти Пальмиха.

I.

Я собирался писать о южинскихъ торжествахъ, о великолѣпномъ праздникѣ, который устроила Москва своему любимому актеру. Было въ этомъ праздникѣ, растянувшемся на нѣсколько дней, начавшемся въ Маломъ театрѣ, продолжавшемся банкетомъ въ Литературно-художественномъ кружкѣ, закончившемся въ грузинскомъ ресторанчикѣ,—столько красивыхъ и трогательныхъ чертъ. И былъ такой хорошей подъемъ настроенія.

Конечно, А. И. Южинъ только скромничалъ, когда въ одной отвѣтной рѣчи говорилъ, что ничего подобнаго онъ не могъ ждать, не заслужилъ и сотовой части этихъ чествованій. Но, правда, большаго нельзя было и ждать.

Потому-что въ московскомъ юбилеѣ приняла участіе вся Россія, отъ родной юбиляру, поэтичной Грузіи до глухихъ угловъ сѣвера, до Енотаевска, гдѣ томятся его земляки; приняло участіе все русское общество, отъ представителей двухъ первыхъ Государственныхъ Думъ до тифлисскихъ гимназистовъ, отъ ясно-полянскаго отшельника до Шмаги изъ захолустнаго театра.

Шумѣли юбилейныя рѣчи, гремѣли здравицы, торжественно звучала кантата, пропѣтая на банкетѣ артистами Большой оперы. И вдругъ въ шумъ этихъ торжествъ упала смерть. Перевернула всѣ впечатлѣнія, спугнула радость и залила душу холоднымъ ужасомъ.

И. О. Пальминъ былъ въ числѣ организаторовъ праздника, на юбилейномъ спектаклѣ читалъ адресъ отъ тысячи провинціальныхъ актеровъ, на банкетѣ—телеграммы сценическихъ дѣятелей. Волновался изъ-за этого юбилея, какъ изъ-за родного, близкаго дѣла. И былъ—такой радостный, весело-оживленный, праздничный. Я говорилъ съ нимъ часа въ четыре утра,—о чемъ-то такомъ незначитель-

† И. О. Пальминъ.

номъ, о завтрашнемъ маскарадѣ въ Большомъ театрѣ, который тоже стоилъ его безпокойной натурѣ много хлопотъ.

Говорятъ, есть предчувствіе смерти. Какъ далека онъ былъ въ эти минуты, между банкетомъ и маскарадомъ, отъ какой-нибудь мысли о смерти! А она уже подползала, сторожила послѣднія бѣнія нездороваго, усалаго сердца. Въ четвертомъ часу дня изъ театрального бюро дали знать, что Пальмина не стало.

На такъ заботившемъ его маскарадѣ будетъ онъ присутствовать, какъ ибсеновскій докторъ Ранкъ подъ шапкой-невидимкой...

Позвольте-же строки, предназначавшіяся подъ отчетъ о прекрасномъ праздникѣ, отдать печали у нежданнаго гроба. Вчера я былъ въ бюро на панихидѣ и потомъ у этого гроба.

Какъ мучительно трудно было освоиться съ мыслью, что вотъ въ этой залѣ, гдѣ прокипѣла жизнь Пальмина, гдѣ былъ онъ всѣмъ, уже не будетъ его, что дѣлается сейчасъ въ этихъ стѣнахъ что-то безъ него, и что подъ парчевымъ покровомъ, подъ цвѣтами лежитъ его оставшее тѣло...

И всѣ, что были на панихидѣ, чувствовали, кажется мнѣ, то-же. Точно случилось лишь какое-то недоразумѣніе. Вотъ сейчасъ разъяснится. Иванъ Осиповичъ уладить его, какъ улаживалъ ихъ по десяти разъ на день всѣ десять лѣтъ своей работы въ бюро.

Это былъ во-истину миротворецъ въ актерской средѣ, въ которой столько треній, столько недоразумѣній и столкновений. Нуженъ былъ совсѣмъ особый талантъ, геній такта и мягкости, чтобы такъ плавно и ровно дѣлать то шумное, суетливое, окруженное дрызгами дѣло, которое дѣлалъ Пальминъ. И нужно было такъ знать и такъ любить русскаго актера, какъ знали и любилъ Пальминъ, чтобы не терять въ этой суматохѣ, подъ этимъ пе-

рекрестнымъ огнемъ чужихъ самолюбій,—самообладания, не выходить изъ себя, не знать раздраженія и подходить къ каждому съ искренно-ласковымъ лицомъ.

Только благодаря И. О. такъ ровно, безъ толчковъ, вертѣлось большое колесо этого своеобразнаго учрежденія и помогало вертѣться всѣмъ колесамъ провинціального театрального дѣла.

«Бюро—это я»,—никогда не говорилъ по своей скромности, но всегда могъ-бы съ полнымъ правомъ сказать И. О. Пальминъ.

Онъ поступилъ туда одиннадцать лѣтъ назадъ, изъ разохинской конторы,—и уже не зналъ другой жизни, кромѣ бюро, слился съ нимъ. Какъ теперь будетъ бюро безъ него? Думаю, не я одинъ, всѣ близкіе къ театральному дѣлу задаютъ себѣ этотъ вопросъ и не находятъ отвѣта.

— Хотите посмотрѣть мои руки?—какъ-то постомъ, въ пору страды, спросилъ онъ и высоко, засучивъ рукавъ сорочки, показалъ лѣвую руку.

Вся она была въ блѣдно-синихъ пятнахъ. Отъ непрерывныхъ прикосновеній къ нему тысячь рукъ. Каждую минуту подходилъ кто-нибудь къ этому Фигаро театральной биржи, хватая за руку, тащилъ куда нибудь. Онъ былъ всѣмъ нуженъ. И къ концу поста онъ говорилъ уже совершенно хриплымъ голосомъ. Такъ ежегодно проходила для него великопостная страда, когда приливала въ бюро вся театральная Россія.

И все-таки среди всего этого водоворота онъ не терялся, былъ обычнымъ, ласковымъ, обходительнымъ, все знающимъ, все помнящимъ, ничего не упускающимъ изъ виду и никогда не устающимъ Пальминымъ. Всякому актеру свойственно быть о себѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ о своемъ соперникѣ. Всякой актрисѣ кажется, что она больше достойна того ангажемента, который достался, благодаря Пальмину, другой.

И оттого всегда были обиды, претензіи, обвиненія. Но и обижавшіеся любили Пальмина, потому что отлично знали, что каждому готовъ этотъ до-

И. О. Пальминъ въ 1887 г.

брызсъ, мягкій человекъ прійти на помощь, что близки ему интересы всей этой громады, изъ которой вышелъ и самъ онъ и вѣгъ которой не было смысла у его жизни.

Театральную провинцію звалъ онъ чудесно до послѣднихъ мелочей; звалъ кажется каждого изъ десятка тысячъ актеровъ по имени-отчеству. Звалъ всѣ театральныя отношенія, ходъ всѣхъ театральныхъ предпріятій. Стоялъ съ протянутою рукою, готовый каждому подать помощь, уладить, примирить. Бюро—биржа, и въ каждой сдѣлкѣ участвовали Пальминъ, какъ посредникъ, совѣтникъ, общій другъ. Теперь, когда его не стало, съ какою больною остротою почувствуется вся важность его участія. И какъ долго будетъ ощущаться его отсутствіе, эта убыль такъ нужнаго человека, столь крѣпко спаявшаго себя съ нужнымъ дѣломъ.

Н. Эфроевъ.

II.

Взглядъ на свѣтлую сторону.

Всегда удивлялся я всего больше выдержкѣ, характеру Ивана Осиповича Пальмина. Помню, какъ онъ вступилъ въ бюро еще въ качествѣ маленькаго человека. Какимъ ничтожнымъ казался онъ въ глазахъ сценическаго міра, какое множество слуховъ и сплетенъ распространилось между актерами, съ какимъ негодованіемъ ниже отзывались о его приглашеніи въ бюро, возмущаясь дѣйствіями Совѣта Т. Об-ва! Сколько такта, умѣнья обходиться съ людьми, сколько хладнокровія надо было имѣть, чтобы черезъ годъ-полтора быть признаннымъ значительнымъ большинствомъ театральнаго дѣятелей наиболее достойнымъ занять мѣсто управляющаго театральнаго бюро.

Впрочемъ, окончательно предубѣжденія, царившія въ театральномъ мірѣ противъ И. О., не были разсѣяны и послѣ того. Еще долгое время Пальминъ именовался «за управляющаго». Этимъ отдавалась дань «злобѣ», съ какимъ относилась часть сценическихъ дѣятелей къ вновь испеченному управляющему. Прошло десять лѣтъ и мы были сви-

дѣтелями «всероссійскаго» чествованія Пальмина, были свидѣтелями того, какъ со всѣхъ городовъ Руси сошлись люди, соединились въ единомыслие признаніи заслугъ этого скромнаго труженика, заслугъ того, кто считался «высочкой».

Но сколько надо было вынести, чтобы пережить все это!

И недовѣріе, и презрительное отношеніе, зависть, злоба, прямая оскорбленія, шпильки, іудина пощелуи, интриги — неужели все это не отзывалось болью, страшною болью, къ которой присовокупилось и горькое сознаніе незаслуженныхъ обидъ, въ сердцѣ человека-актера, который съ особенною рѣзкостью способенъ чувствовать раны самолюбія?

Я увѣренъ, что И. О. не разъ и не два въ тиши своего кабинета плакалъ горькими слезами надъ незаслуженными обидами, надъ сознаніемъ несправедливости упрековъ...

И что же? Загоралась въ немъ злоба, желаніе мстить врагамъ, отплатить имъ тѣмъ же, что они заставляли переживать его самого?

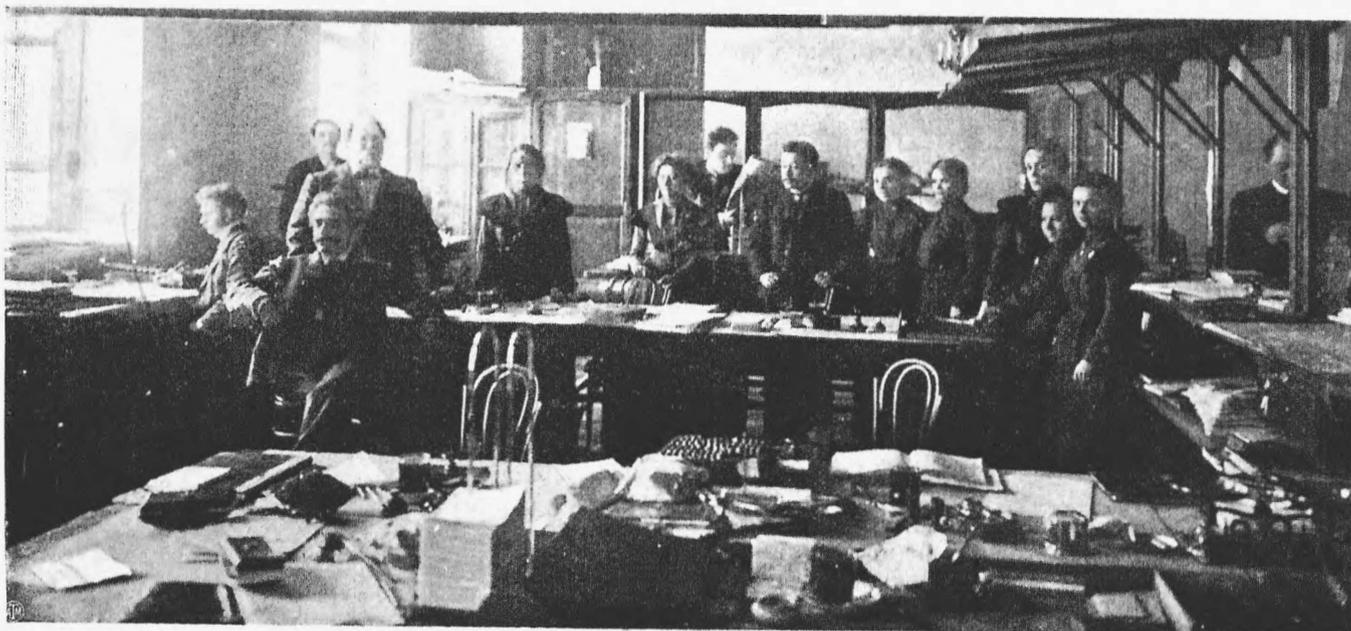
Нѣтъ, всегда корректный, вѣжливый, всегда любезный, съ готовностью помочь во всемъ, гдѣ можно, улыбающійся, мягкій—таковъ былъ Пальминъ на своемъ ответственномъ посту.

И только рѣдко, рѣдко въ задумчивой бесѣдѣ прорвется у этого человека фраза, намекъ на спрятанную въ глубинѣ души драму жизни.

«Не приведи Богъ—говаривалъ онъ,—имѣть дѣло съ актерами—такой обидчивый, самолюбивый народъ!»

А онъ дѣликомъ всю жизнь, съ утра до ночи, а иногда съ ночи до утра (устраивая разныя чествованія, юбилеи, банкеты) возился съ этимъ «особеннымъ» народомъ, стремился вездѣ, гдѣ возможно, сдѣлать что-нибудь полезное для этого самолюбиваго, обидчиваго русскаго актера.

Это не мѣшало, однако, очень многимъ сценическимъ дѣятелямъ быть недовольными дѣятельностью Пальмина. Помимо того, конечно, что на всѣхъ не угодишь, въ самой организаціи бюро Театральнаго Об-ва есть несомнѣнно недостатки, не позволяющіе ему съ должною полнотою удовлетворять потребности сценическихъ дѣятелей. Въ послѣднее время въ особенности, когда изъ разныхъ школъ

И. О. Пальминъ въ бюро Театральнаго Общества.

и съ воли ежегодно выползають на сцену сотни новыхъ «актеровъ и актрисъ», когда старые актеры по своимъ привычкамъ, пріемамъ, недостаточности образованія оказались малоприспособленными для новаго репертуара, когда борьба за существованіе и конкуренція на сценѣ обострились до чудовищныхъ размѣровъ—наше бюро оказалось малоподвижнымъ и тяжеловѣснымъ механизмомъ, съ трудомъ приспособляющимся къ новымъ условіямъ актерской жизни, къ новымъ требованіямъ времени.

Какъ бываетъ всегда, недостатки механизма у насъ всегда переносятся на лицъ, исполнителей; тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ бюро, потому что по мнѣнію актеровъ бюро и Пальминъ сливались безраздѣльно.

Пальмину приходилось расшачиваться за недостатки организациі, хотя онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой старался сглаживать эти недостатки.

И еще тяжелѣйшимъ камнемъ ложилось на душу этого человѣка сознаніе несправедливости судьбы. Нужно было въ себѣ самомъ находить силы и утѣшеніе, чтобы и дальше тянуть свою повседневную лямку въ пользу ближнихъ.

Но всему есть предѣлы; человѣческое сердце не выдержало и перестало биться.

До послѣдней минуты онъ несъ свой тяжелый крестъ; до послѣдней минуты онъ оставался на своемъ посту.

Славная смерть!

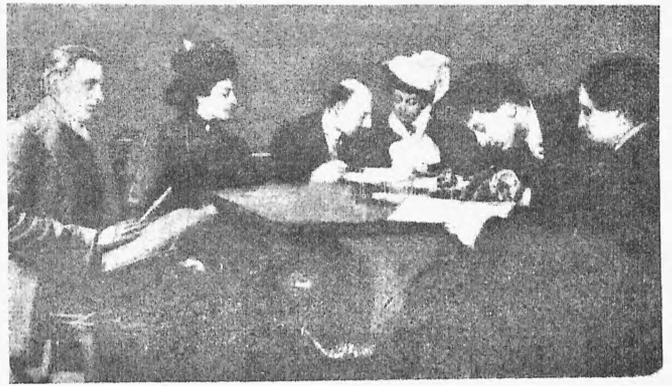
Sit tibi terra levis, сильный душою и волей человѣкъ!
С. СВѢТЛОВЪ.

III.

Иванъ Осиповичъ въ гробу... Уснулъ спокойнымъ вѣчнымъ сномъ... Еще утромъ рокового дня суетился, хлопоталъ по поводу назначеннаго въ Вольшомъ театрѣ маскарада въ пользу Убѣжища для сценич. дѣятелей, а наканунѣ весь отлавался банкету въ честь А. И. Южина...

Покойника я зналъ ни больше, ни меньше какъ 30 съ лишнимъ лѣтъ. Будучи ученикомъ реального училища въ Петербургѣ (я учился въ классической б. петербургской гимназій), онъ первый разъ участвовалъ въ устроенномъ мною любительскомъ спектаклѣ въ саду дома Ушина на Забалканскомъ проспектѣ, гдѣ нынѣ Серапинская гостинница. Шель старинный воевиль „Булочникъ“ Каратыгина и дивертисментъ, въ которомъ покойный Ив. Осип. читалъ съ огромнымъ успехомъ стихотворенія. По окончаніи гимназій, я поступилъ въ консерваторію, а И. О. пошелъ на сцену въ провинцію, гдѣ игралъ роли любовниковъ. Но сцена, актерская богема его не удовлетворяла... Онъ поступаетъ въ агентство Разсохиной, потомъ дѣлопроизводителемъ бюро при Теат. обществѣ, а затѣмъ и управляющимъ бюро... Русская актерская семья горячими слезами будетъ оплакивать своего дядьку и друга Ваню... На отвѣтственномъ посту управляющаго бюро Ив. Ос. приходилось очень часто считаться съ самолюбіемъ нашего брата актера, съ самолюбіемъ, порой доходящимъ до болѣзненности, приходилось на каждомъ почти шагу регулировать взаимоотношенія между предпринимателемъ и актеромъ и, естественно, на этой почвѣ, въ покойномъ нѣкоторые подозрѣвали иногда личнаго своего врага.

Повторяю: я хорошо зналъ покойнаго. Для него интересы русскаго актера были дороже всего на свѣтѣ, за нихъ онъ готовъ былъ отдать душу и жизнь—и отдалъ жизнь. Съ какимъ умиленіемъ онъ мнѣ за 3 дня до кончины рассказывалъ объ удачѣ своего призыва, напечатаннаго въ „Театрѣ и Искусствѣ.“—замѣнить новогоднія поздравленія лептой въ пользу нашего Убѣжища.—„За 2 тысячи уже перевалило, вотъ жду послѣдній № „Театра и Искусства“, еще вѣрно прибавилось...“—съ радостью говорилъ Ив. Осиповичъ. А какъ онъ реагировалъ на юбилей Южина! Съ какимъ захватывающимъ интересомъ онъ прочитывалъ каждое привѣтствіе юбиляру, адресованное на его имя. Помню стихотвореніе какой-то народной учительницы онъ съ восторгомъ прочитывалъ нѣсколько разъ... А какъ онъ читалъ телеграммы на банкетѣ, какъ волновался! Сердце у него давно было больное, онъ страдалъ уже давно, оказывается, астмой, за послѣдніе же дни чрезчуръ ужъ волновался... На мою долю выпало въ теченіе одного года—хоронить трехъ товарищей, умершихъ при удивительно трагической обстановкѣ. Въ прошломъ году, почти въ это время—Галицаго, весной

Д'Аннунціо въ кругу артистовъ читаетъ свою новую пьесу „Корабль“.

въ г. Гроднѣ, въ уборной скоропостижно скончавшагося Невѣрова и вотъ теперь тебя, дорогой другъ Ваня, мой двойникъ, какъ насъ называли... Еще на банкетѣ въ честь Южина какой-то незнакомецъ подходитъ и, обращаясь ко мнѣ, спрашиваетъ:—Вы не родной братъ Пальмина?
Прощай, дорогой другъ!
С. Семеновъ-Самарскій.

З а м ѣ т к и.

Въ Москвѣ, въ комисіи, обсуждавшей порядокъ чествованія А. И. Южина, какъ извѣстно читателямъ изъ прошлаго № «Теат. и Искус.», былъ возбужденъ вопросъ о допущеніи артистовъ фарса на банкетъ. Дѣло потомъ уладилось, и даже появилось опроверженіе слуха, но какъ совершенно справедливо замѣчаетъ одна московская газета, «дыму безъ огня не бываетъ». Разумѣется, для надлежащей оцѣнки «дыма» и «огня», слѣдуетъ принять во вниманіе, вообще, обстановку московскихъ торжествъ и банкетовъ. Въ Москвѣ все дѣлается крайне серьезно, и всему придается чрезвычайная значительность. «Порфириносная вдова», оставившая, по необходимости, за штатомъ политику, сосредоточилась на общественной. Юбилей А. И. Южина, напримѣръ, это—не только театральное, но и общественное событіе. Ни университетъ, ни ученая обществу не чествовали у насъ, въ Петербургѣ, напримѣръ, М. Г. Савину, или талантливаго комика В. Н. Давыдова. А. И. Южина—чествовали, и не только за его, дѣйствительно, крупныя заслуги, но и потому, что онъ свой, московскій. Таковъ ужъ нравъ «порфириносной вдовы».

Конечно, когда все это такъ серьезно, и каждый банкетъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ общественная манифестация,—фарсовымъ актерамъ легче оказаться за «музыкантскимъ столомъ», а то и совсѣмъ остаться безъ мѣста. Но все-таки, даже твердо памятуя, что на всемъ московскомъ есть особый отпечатокъ, нельзя не обратить вниманія на то нелестное положеніе, въ которомъ оказались актеры фарса. И я спрашиваю: чья это вина—жанра или его служителей, насколько жанра и насколько его служителей?

По моему, тутъ вина обоюдная. Съ одной стороны,—общество недостаточно тонко относящееся къ искусству и красотѣ, и потому склонное часто судить не по художественному достоинству, а по рангу, занимаемому извѣстными театральными жанрами въ табели искусства. Съ другой стороны,—служители театральнаго жанра, которые не только

не заботятся о томъ, чтобы извлечь изъ него наивысшую красоту, но наоборотъ, махнувъ на себя и на все рукой, стараются выявить наибольшую сумму безобразія. Вродѣ того, какъ русская «туляцкая» дѣвушка говоритъ: «вѣдь я такая, я таковская!» И сравните, пожалуйста, психологию «таковской» съ психологіей какой-нибудь Аспазіи или Нинонь де Ланкло.

Итакъ, виноваты и тѣ, и другіе. Мнѣ, напримѣръ, приходилось спорить, такъ сказать, «до слезъ напряженія», во многихъ театральнѣхъ коммисіяхъ и собраніяхъ о томъ, что кафе-шантанъ есть такой же театральнѣй жанръ, какъ и всякій другой. Да вотъ недавно еще въ обществѣ собранія членовъ Театральнаго Общества мнѣ приходилось доказывать, что жалоба обиженнаго Совѣтомъ кафе-шантаннаго дѣятеля должно быть рассмотрѣно, и что «счураться» кафе-шантана Театральное Общество не имѣетъ никакого права. «Да вы знаете, кто тамъ?» — говорить обыкновенно въ этихъ случаяхъ. Да, я знаю, кто тамъ, но я совершенно не

желаю устанавливать ни какихъ априорныхъ сужденій, и для меня совершенно безразлично, гдѣ «таковская» подвизается—въ «высокой» трагедіи или въ кафе-шантанѣ. Таковская остается таковской. А Жюдикъ, которая поетъ въ кафе-шантанѣ — это Жюдикъ, а цѣлый рядъ нѣмецкихъ нѣвицъ, которыхъ я видѣлъ въ разныхъ «кабаре» новаго типа въ Берлинѣ и Мюнхенѣ, имѣютъ въ мизинцѣ своемъ больше таланта, заключаютъ больше красоты, даютъ мнѣ больше художественнаго наслажденія, чѣмъ сотни сѣрыхъ землистыхъ «пениньерокъ» вашихъ драматическихъ школъ, заражающихъ скукой и безнадежнымъ нѣтьемъ драматическія сцены...

Нѣтъ, не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ—мѣсто. Все, существующее въ области искусства,—«разумно», т. е. имѣетъ свое оправданіе въ извѣстныхъ свойствахъ человѣческаго духа. Столь же нелѣпо, какъ «сапоги выше Шекспира» — утверждать, что трагическое выше комическаго, романтическая арія выше куплета и пр. Почему Гюго выше Беранже? Я не знаю. Почему Гамлетъ интереснѣе Тартюфа? Почему Музэ Сюлли выше Жюдикъ? Высота измѣняется только однимъ: суммою художе-

ственного впечатлѣнія, работою моей фантазіи, какъ слушателя и зрителя, силою и красочностью моихъ эмоций. Я всеѣмъ равно благодаренъ—всеѣмъ, кто доставилъ мнѣ радость искусства, и если въ данный моментъ одно мнѣ доставляетъ больше радости, а другое меньше, то это потому, что такъ настроены мой художественный аппетитъ, а не потому, что есть какая-то абсолютная мѣрка художественной цѣнности.

При извѣстной высотѣ культуры, въ обществѣ

такъ именно и смотрятъ. Въ прошломъ, кажется, году, въ убѣжищѣ для актеровъ въ Парижѣ былъ завтракъ въ честь президента республики. И съ одной стороны, сидѣла первая драматическая актриса Франціи—Бартэ, а съ другой — первая опереточная артистка — Симонь-Жираръ. На московскомъ банкетѣ въ честь А. И. Южина, русскии Симонь-Жираръ не сидѣла-бы ни въ какомъ случаѣ по лѣвую руку юбиляра. Табеля о рангахъ, «классъ должности», «шитые» на мундирѣ, вообще, сложная классификація по внѣшнимъ

Элеонора Дуза.

Рис. А. Любимова.

признакамъ или по «важности» предполагаемой работы—обычные спутники эпохъ и странъ застоя. «Утилитарность» въ искусствѣ явилась результатомъ разрыва съ античнымъ міромъ, съ полнотою его чувствованія, жизнерадостности, съ его пантеизмомъ. До сихъ поръ міръ еще не омытъ отъ идеи «полезности», водворившейся на развалинахъ античнаго міра. У насъ, въ Россіи, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, преданія византизма, а культура имѣетъ специально служебную роль—борьбу съ несовершенствами государственнаго и социальнаго строя. «Не до искусства», говорилъ Писаревъ. «Не до соусовъ», сердито огрызнулся М. Е. Салтыковъ, въ отвѣтъ на любезность Лорисъ-Меликова.

И сейчасъ, думая объ искусствѣ, думаютъ о «полезномъ» искусствѣ, и искренно удивляются, кому нужно комическое, просто какъ комическое, и веселое, просто какъ веселое.

Но съ другой стороны, гдѣ, въ какой странѣ — укажи мнѣ такую обитель, я такого угла не видать — представители «малополезныхъ» искусствъ такъ махнули на себя рукой, такъ были разгорожены другъ отъ друга театральные

жанры. Лучший актер комедии в Парижѣ Тарридь, то и д'бло, мѣняетъ драму на оперетту, и обратно. Когда у Жюдикъ есть роль въ комедии, она выступаетъ въ комедии; когда не представляется подходящей роли въ комедии, она выступаетъ въ кафешантанѣ и поетъ шансонетки. У насъ, разъ выступилъ на подмостки фарса или оперетки, значитъ—откровенно заявилъ о своей «деградации». «Я нынче ужъ не тотъ! Я таковскій! Я таковская!» Завью, молъ, горе веревочкой, да и все тутъ!

Рѣдко кто изъ жрецовъ «веселаго жанра» думаетъ о томъ, что онъ такой же «гражданинъ Аркадii», какъ и всякій, что благородство, вкусъ, изящество—свойства всякаго искусства. Наоборотъ, всѣ сѣшаютъ стремглавъ съ наклонной плоскости... Все дозволено, потому что мы де таковскіе, жанръ нашъ таковскій... На-дняхъ, напримѣръ, мнѣ была прислана афиша московскаго фарса г. Сабурова. Ужъ не помню, какая тамъ шеса была обозначена, но внизу афиши рядомъ съ именемъ режиссера, крупнымъ шрифтомъ было напечатано: «*надзиратель гарема*—С. Ф. Сабуровъ». Ну, что это, какъ не санфасонное заявление, съ видомъ добродушной иронии: «я—таковскій! Намъ все дозволено!» Эта санфасонность въ обхожденіи и въ жизни переносится, конечно, и въ самое д'бло. Всѣ эти курбеты, «отсебятины», подчеркиванія, раздѣванія, подмигиванія публикѣ, совершенно въ духѣ того шедринскаго приказчика, который говорилъ при всякомъ случаѣ: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ—съ» и неизмѣнно добавлялъ: «Joli!»— все это результатъ отрѣшенія своего жанра отъ общей матери-сцены; дескать, что съ насъ спрашивать, мы вѣдь таковскіе... Это то, что убиваетъ комизмъ фарса, замѣняя его балаганщиной, что опошляетъ оперетку, превращая ее въ феерию. Я, лично, кстати, не знаю болѣе художественнаго—въ идеалѣ конечно—музыкально-сценческаго жанра, какъ оперетка. Въ музыкѣ я признаю только чистую эмоциональность—особенно, въ вокальной. Несложная лирика задумчивой пѣсенки, какъ въ арии Периколы, или веселое дурачество—я мыслю въ соединеніи съ музыкою. Это реальное соединеніе. Когда весело, человекъ поетъ. Но чтобы человекъ пѣлъ, когда онъ резонируетъ—этого я не постигаю.

Впрочемъ, объ этомъ подробно въ другой разъ, при случаѣ.

Возвращаюсь къ своей темѣ и спрашиваю: если обѣ стороны виноваты—и общество, и актеры—въ томъ положеніи, которое занялъ «веселый жанръ» то не пора ли имъ, сознавъ свои вины, что-нибудь сдѣлать для покаянія?

Лука въ «На днѣ» очень мѣтко замѣчаетъ (цитирую приблизительно): «а ты ему говори, что, молъ, ты парень хорошій, онъ повѣритъ, и будетъ хорошій». Вотъ и я думаю, что истинные театралы, чураясь «веселаго жанра», отнюдь не способныютъ развитію театра, улучшенію его, расцвѣту—что особенно важно—комическихъ дарованій. Вѣдь вотъ недавній юбиляръ—В. Н. Давыдовъ; прекрасный актеръ, но не только по первоначальному служенію своему, но и по истинной сущности своего таланта, — настоящий «буффъ». Въ тѣ времена, когда онъ открыто буффонилъ, буффонили всѣ. Савина играла Орфея, Сазоновъ—Париса, Давыдовъ порхалъ въ водевиляхъ и пѣлъ въ опереткѣ. Но въ то время не было «чистой» и «грязной» половины сцены. Театралы, и во главѣ ихъ самъ Ниль Стратоновичъ Дудукинъ, говорили, хлопая по плечу г. Давыдова: «ты, парень, хорошій». Онъ и вышелъ хорошій, и имѣя чисто буффонное дарованіе, сталъ круп-

нымъ, цѣльнымъ, замѣчательнымъ актеромъ. Для этого надо было прежде всего, чтобы онъ свое буффонное д'бло дѣлалъ съ такою-же серьезностью, съ такою-же самолюбивою взыскательностью художника, какъ это дѣлаютъ трагики, играя Гамлета или Лиры. Надо было, чтобы, буффоня, онъ уважалъ себя и свой буффонный жанръ. Теперь—въ фарсахъ и опереткахъ большею частью раздѣваются: и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ. Вотъ, молъ, я уже и въ невыразимыхъ, кому стыдно, а мнѣ нѣтъ, потому что я таковскій. А г. Сабуровъ еще шаловливо прибавляетъ: «рекомендуюсь—надзиратель гарема».

Элеонора Дуэ—
Адриена Лекуверрь.
(Набросокъ А. Любимова.)

Надо быть серьезнымъ. Все остальное приложится. Надо, работая, работать серьезно, играя, играть серьезно, дурачась, дурачиться серьезно. И такъ же серьезно надо воспринимать все это, понимая, что смѣхъ въ искусствѣ есть такое же солнце, какъ и трагедія страданія.

Всякъ даръ благословенъ—и въ широтѣ этого признанія заключается широта души, взыскающая художественныхъ впечатлѣній.

Homo novus.

Новыя издачія „Театра и Искусства“.

Бѣлый ангелъ. Драма въ 5-хъ дѣйствіяхъ А. И. Свирскаго. Новая пьеса г. Свирскаго написана, какъ принято теперь выражаться, „на современные темы“. Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ періодъ наивысшаго подъема рабочаго и вообще освободительнаго движенія,—слѣдуетъ подразумевать, очевидно, 1905-й годъ;—на сценѣ—сановники-либералы, подхалимы-карьеристы съ одной стороны и трудовой рабочей людъ съ другой, за сценою—забастовки рабочихъ, наводненіе, демонстраціи, уличныя сраженія и прочіе ужасы недавней дѣйствительности. Въ пьесѣ много движенія, много шума, положенія крикливыя, многія роли даютъ благодарный матеріалъ для исполнителей. Пьеса удобна для небольшихъ труппъ въ виду несложности постановки—всего 2 декорации: богатый кабинетъ сановника (1 и 4 д.) и бѣдная комната въ квартирѣ рабочей семьи (2 и 3 д.) и также небольшого количества дѣйствующихъ лицъ. Въ режиссерскомъ отношеніи пьеса также не представляетъ особыхъ трудностей. При обстановкѣ сцены можно рекомендовать и режиссерамъ придерживаться авторскихъ указаний. Ролей въ пьесѣ: женскихъ—6, мужскихъ—5. По амплуа распределяются такъ: Варвара Аркадьевна—gr.-dame, Над. Алекс.—мол. героиня или сильная ing.-dram., Нелли (Бѣлый Ангелъ)—ing.-dram., Чистилова—комич. старуха, Глафира—ing.-com. съ бытовымъ оттѣнкомъ, Катя 2-я инг. Щепотьевъ—драм. резонеръ, Леонидъ Александр.—молодой резонеръ-фатъ, Луцкій—молодой характерный актеръ (типъ Молчалина), Сергѣй—любовникъ, Петръ, лакей—характерная роль. Продолжительность пьесы безъ антракта 2—2½ часа.

Ренессансъ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ Ф. фонъ-Шентана и Ф. фонъ-Коппель-Эльфелда, переводъ И. А. Гриневской. Очень изящная, красивая пьеса, написанная въ мягкихъ тонахъ, проникнутая юморомъ и жизнерадостію, въ чемъ кроется, по нашему мнѣнію, одна изъ причинъ ея выдающагося успѣха на сценѣ спб. Малаго театра. Главная задача режиссера при постановкѣ этой пьесы заключается въ томъ, чтобы въ тонѣ исполнителей и внѣшней обстановкѣ провести рѣзкую грань между 1-мъ и 2-мъ актами пьесы. Изъ полумрака, почти монастырскаго характера, залы (1 актъ) дѣйствіе переносится въ залитую солнечнымъ свѣтомъ галлерею (2-й и 3-й акты). Въ обстановкѣ 1-го д.—мебель массивная и общее впечатлѣніе—

не уютности; въ комнатѣ—только лишь строго необходимое, ничего лишняго, никакихъ украшеній, но 2 д.—полнѣйшій контрастъ съ обстановкой 1 дѣйствіа: масса воздуха, свѣта, мебель легкая, ковры, пестрые ткани, шпаты въ вазахъ и проч. Роли всё безъ исключенія—необыкновенно благодарный матеріалъ для исполнителей. Изъ всего 8 и по амину распределяются такъ: Маркиза—героиня или молодая а. д. дане, Витторино, ея сынъ—тѣ-соп. (главная роль шесы и потому при назначеніи ея не слѣдуетъ слишкомъ строго придерживаться амина), Копетта—тѣ. (субретка въ жанрѣ Дорина), Изотта—комич. стар., Мирра—coquette, Сильвіо—любимикъ, Патеръ—комикъ, Магистръ—комикъ-резонеръ. Продолжительность шесы безъ антрактовъ 2 1/2 часа.

Провихціальная лѣтница.

ТИФЛИСЪ. Передъ праздниками сборы въ обоихъ театрахъ упали окончательно. Еще г-жу Яворскую кое-какъ выручали „Черные вороны“, а въ оперѣ послѣ отъѣзда Олимпіи Боропатъ публика совсѣмъ исчезла. А тутъ еще циркъ Никитина перегаивуть къ себѣ значительную часть тифлисской театральной публики. Дефицитъ въ оперномъ товариществѣ достигаетъ уже 35 тысячъ, которые леги бременемъ на заведывающаго хозяйственной частью г. Харькова, фактическаго антрепренера. Не помогла даже новинка „Такъ сказалъ король“, извѣстная по музыкѣ, но довольно скучная по содержанию, комическая опера Делиба. И сбора она не дала и успѣха не имѣла. И то сказать играютъ наши артисты тяжело. На мѣстахъ были только г-жа Окунева, кокетливая и задорная Жанотта, г. Акимова, хороший маркизъ и г. Савиновъ, который въ противоположность другимъ опернымъ тенорамъ, не только хорошо пѣлъ партію Бенуа, но и не дурно говорилъ прозу, и сумѣлъ изобразить неотесаннаго, но не глупаго деревенскаго шуря, шрой случая превращеннаго въ сына маркиза.

Лаура Шаляпина не давали спаять г. Сибирякову, и вотъ въ свой бенефисъ артистъ поинился въ партію... демона. И вотъ этотъ опять выступленія баса въ баритонной партіи ока-

заявъ очень неудачнымъ. Я глубоко цѣню рѣдки по красотѣ голосъ пѣвца, но въ партію демона онъ не подходитъ. Тессitura слишкомъ высока, а транспонировка нѣкоторыхъ ари имѣла ихъ характеръ. Къ тому же и въ эстетическомъ отношеніи г. Сибиряковъ демона доволно слабый.

Второй бенефисъ въ этомъ сезонѣ получилъ режиссеръ г. Бѣльскій, одновременно сиромашившій свой 25 лѣтній юбилей. Почти вся эстетическая дѣятельность г. Бѣльскаго протекла въ Тифлисѣ. Начавъ свою карьеру скромнымъ хористомъ, онъ постепенно поднялся благодаря своему трудолюбію, энергіи, и безспорной муз.аканности. Десятки сезоновъ подрядъ прослужилъ онъ въ старомъ казенномъ театрѣ, какъ помощникъ режиссера, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ занялъ боѣе ответственное положеніе режиссера.

Скромные именина, скромнаго закушнанаго грузинскаго и проши скромно. Честновали его артисты при открытій за павѣсь, вынужденно вызвала публика. Для своего юбилея г. Бѣльскій избралъ „Коринѣнскіе колокола“ для сбора. Сборъ былъ доволно хорошимъ, хотя не полнымъ. А исполненіе тоже не оперное. Съ удовольствіемъ публика слушала пѣвщюю музыку Пиакетти въ рѣзкомъ исполненіи новаго опернаго оркестра, хорошаго хора, и пѣвцовъ. И со сънеходительной улыбкой смотрѣла, какъ г-жи Окунева, Побожіева, г. Савиновъ и Леонидовъ пытались быть легко-челенными опереточными сюжетатами.

Послѣ „Черныхъ вороновъ“, которые, кстати сказать, администрація сняла съ репертуара послѣ девяти представлений, г-жа Яворская не оорѣла неаго гюзида. Въ погонѣ за шимъ поставили „Рафисъ, воръ джентльменъ“ и „Идеальнаго мужа“ Уайльда. Рафисъ оказался сомнительнаго качества зрѣлищемъ. И не смотря на прекрасное исполненіе г. Шорштейномъ. Рафисъ успѣха не имѣла. Не имѣлъ успѣха и „Идеальный мужъ“. Въ этомъ ишоветана сами артисты, за исключеніемъ прочеаъ г-жи Яворской, только проведенной роль дѣди Челеней и г. Шорштейна, который въ роли юрда Чилтерна былъ превосходенъ и сумѣлъ дать гиничнаго ангаичаица по провишоенію и манерамъ, всё оставшіе артисты играли грудно, тяжело. И тошій юморъ О. Уайльда совершенно пропалъ для публики.

Администраторы и управляющій театромъ артистическаго общества А. С. Бузень для своего бенефиса избралъ „Анну Каренину“, французскую оперетку, переделанную на русскій языкъ. Боѣе неудачнаго выбора я не знаю. Артисты приложили всё старанія, чтобы усугубить неблагоприятное впечатлѣніе отъ шесы. Получасовые антракты, загнившіе спектакли до втораго часа ночи, и потребности даже амѣ пательства полиціи, гвердейцы въ смазныхъ сапогахъ, гримнахъ кителяхъ, мундирахъ съ чужаго шеча, абсолютное неаніе ролей, перехватываніе чужихъ реишкѣ, вотъ что происходило на этомъ спектаклѣ. И только г-жа Яворская блестяла какъ сохраненіемъ образа настоящей Анны, такъ и своими чудными туалетами, мѣняя костюмы въ каждой картинѣ.

Праздники не много „подкормили“ и оперу, и драму. Въ обоихъ театрахъ сборы были хорошие. Въ оперѣ новинокъ никакихъ не ставили, если не считать хорошо забытую феерію „Иванъ царевичъ“, которая не смотря на слабую въ техническомъ отношеніи постановку и посредственное исполненіе, дала три почти полныхъ сбора.

Съ успѣхомъ прошла „Тоска“, г-жа Маркова въ драматическомъ отношеніи очень удачно справляется съ ролью Тоски, но присудіе пѣвщѣ недостатки голоса и зѣсь мѣшають общему впечатлѣнію. А жалъ! Голосовой матеріалъ г-жи Марковой богатѣйшій, но требуетъ обработки. Г. Конолли по обыкновенію музыкально поетъ Канаралосси. У пѣвца красивая звучный голосъ, но отсутствие темперамента.

Г-жа Окунева въ свой бенефисъ поставила „Богему“. Пріемъ пѣвщѣ оказалъ теплый, сборъ полицы, масса цѣточныхъ подношеній.

Г-жа Яворская на праздникахъ взялась за свои старыя испытанныя репертуаръ. Успѣшно прошли „Орленокъ“, „Мадамъ Санжень“.

Изъ новинокъ г-жа Яворская поставила на святкахъ „Хорошенькую“, „Религію красоты“, „Алскаго пса“ (!?) и „Росмерсхольмъ“ (свой бенефисъ).

Слѣшность постановки—общій недостатокъ большинства провинціальнахъ труппъ—пагубно отразился на исполненіи такого интереснаго произведенія, какъ „Религія красоты“.

Артисты приступили къ Велекиндѣ совсѣмъ не съ того конца. Въ исполненіе внесено слишкомъ много реализма, тривильности. Идея пьесы, ея внутреннее содержаніе заслонилось мелкими не существенными деталями.

Драма души Гетмана раторборца за новое въ юловномъ вопросѣ совершенно пропала. Получилось доволно шлоское, даже пошлое впечатлѣніе. Миѣ кажется, что роль Гетмана не слѣдовало поручать г. Генбачеву-Долину. Прямой исполнитель этой роли г. Шорштейнъ, которому пришлось играть гросмейстера.

„Росмерсхольмъ“ прошелъ хорошо. Г-жа Яворская въ роли Ребенки Вестъ была великолѣнна. Это наиболѣе яркій изъ всѣхъ созданныхъ въ этомъ сезонѣ артисткой типъ. Идеаль-

Айседора Дунканъ.
(Шаржъ). Рис. Арса.

нымъ Росмеромъ и по гриму, и по интонаціи былъ г. Шорштейнъ. Остальные вполне приличны. Конечно сборъ на бенефисъ г-жи Яворской былъ почти полный, не смотря на повышенныя умопоблудительныя цѣны. Нѣкоторые пробѣлы замѣтны были только въ первыхъ рядахъ. Еще бы! Первый рядъ—10 р.

Бенефициантка получила много цвѣтовъ, и нѣсколько цѣнныхъ подарковъ.

Не хотѣлось бы вовсе писать объ „Адскомъ пѣсѣ“, жалъ артистовъ, и досадо за нихъ. Участвовать въ подобной балаганщинѣ, значитъ унижать свое артистическое достоинство.

Ленинск.

САМАРА. Со времени прошлаго моего письма прошли „Эросъ и Психея“, „Къ звѣздамъ“, „Пугачевъ“, „Стенька Разинъ“, „Сфинксъ“, „Слушай Израиль“, „Красотка съ дивными глазами“ и др. Прекрасно поставлены были „Эросъ и Психея“, съ г-жей Вейманъ въ роли Психеи и „Къ звѣздамъ“, съ г-жей Славяновой въ роли Маруси. „Къ звѣздамъ“ шли въ бенефисъ г-жи Славяновой; бенефициантка и пѣса имѣли огромный успѣхъ.

Остальныя новинки сходятъ очень посредственно.

Недостатки ансамбля, отсутствіе серьезнаго режиссерскаго руководста и слабая сренетованность, замѣчавшаяся съ самаго начала сезона, даютъ себя чувствовать въ особенности теперь, когда актеры устали послѣ праздничной театральнѣ „страды“.

Попрѣжнему неудачна группировка исполнительскихъ силъ и по прѣжнему очень пестръ и неустойчивъ репертуаръ, дѣлающей неожиданныя скачки отъ „Жизни человѣка“ къ „Красоткѣ съ дивными глазами“.

Сборы въ декабрѣ—средніе, въ праздники—хорошіе.

Городской театръ будущій сезонъ по прѣжнему держитъ Н. Кручининъ, при чемъ главныя силы женскаго состава труппы, (г-жи Вейманъ, Славянова, Саблина-Дольская), по слухамъ, остаются, что нельзя не привѣтствовать. Этимъ же антрепренеромъ арендованъ на 12 лѣтъ лѣтній садъ въ Саммафѣ и строится лѣтній театръ. На святкахъ, въ театрѣ, подлѣ режиссерствомъ г-жи Славяновой, прошло два дѣтскихъ спектакля. Дѣти прекрасно исполнили граціозную сказочку В. Чехова „Снѣжная королева“. Праздники ознаменовались еще административнымъ штрафомъ; г-жа Славянова оштрафована на 200 р. за чтеніе „рѣзкихъ“ стихотвореній на вечерѣ.

ХАРБИНЪ. Зимній сезонъ въ Харбинѣ какой-то необычайный. Начать хотя-бы съ того, что объ антрепризы и оперо-опереточная (г. Коганова) и драматическая (г. Вѣлзерскаго) торжественнѣйшимъ образомъ лопнули, не дотанувъ и до половины сезона, что, главнымъ образомъ, относится къ г. Коганову, отказавшемуся отъ платежей слустя мѣсяцъ послѣ открытія... Причина обыкновенная; надежды на хорошіе сборы не оправдались, а пережить трудное время не хватило средствъ и въ результатѣ вся труппа, завезенная отъ центра за 10.000 верстъ, осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Многіе изъ артистовъ недополучили, хотя, какъ говорятъ, расходы не должны были превышать сборовъ (взято 11,000 руб.) и при желаніи дѣло могло-бы еще продолжаться, но все же подобный конецъ рано или поздно долженъ былъ случиться.

Въ самомъ дѣлѣ, при той постановкѣ предпріятія, какая была у г. Коганова, печальный конецъ являлся совершенно неизбѣжнымъ. Въ Харбинѣ сносно можетъ существовать оперетта; она при наличіи безукоризненныхъ персонажей, оркестра и хора можетъ дѣлать недурные сборы и во всякомъ случаѣ оправдывать расходы, но оперѣ въ Харбинѣ не мѣсто: маломальски приличная опера не сведетъ концовъ съ концами, а плохонкую не станутъ посѣщать. Какъ-никакъ, а харбинская публика избалована!

Оперетта у г. Коганова зарекомендовала себя недурно, а съ оперой... Тутъ не клеилось съ самаго начала: хоръ оказался неподготовленнымъ, музыкантовъ не хватало, не было ни у кого оркестровокъ. Ухитрились все же поставить „Фауста“, „Демона“, „Травиату“ и „Гальку“ и на этомъ кончили...

Г-жа Аргунина сразу завоевала себѣ симпатіи зала. Поетъ она музыкально и свободно, голосъ свѣжій и красивый, колоратура безукоризненна.

У г-жи Дзбановской довольно сильное меццо-сопрано пріятнаго тембра, верхи безупречны, средній регистръ превосходенъ. Очень хороша меіумъ.

Отлично владѣетъ своимъ мощнымъ, эффектнымъ басомъ г. Тассинъ-Островидовъ. На концертной эстрадѣ артистъ оставляетъ еще болѣе выгодное впечатлѣніе. Успѣшно выступалъ г. Истоминъ. Характеръ его дарованія лучше всего тоже узнается на эстрадѣ...

Теноровый репертуаръ долженъ былъ всецѣло нести г. Александровскій, молодой лирической теноръ съ прекрасными данными. Къ несчастью онъ заболѣлъ, вскорѣ послѣ этого развалилась антреприза, опереточные артисты образовали товарищество, а оперные остались не удѣлъ и разбрелись кто-куда. Товарищество продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Хоръ и оркестръ получаютъ жалованье, артисты—на маркахъ. О полномъ рублѣ никто не мечтаетъ, но все же дѣла, благодаря праздникамъ, поправились, и есть надежда, что до поста т-во уцѣлѣетъ.

Царитъ въ опереттѣ—г-жа Вышинская. Эта пѣвица при

завидной наружности обладаетъ рѣдкимъ по красотѣ и силѣ лирико-драматическимъ сопрано. На г-жѣ Вышинской лежитъ весь репертуаръ, и она, выступая каждый день, встрѣчаетъ неизмѣнныя оваціи. Въ бенефисѣ (Хаджи-Муратъ, Катеванъ) артистку забросали цвѣтами, было много подношеній. Неменьшимъ успѣхомъ пользуется г-жа Фролова (каскад).

Изъ мужчинъ выдѣляется удивительно способный баритонъ г. Салтыковъ (какъ курьезъ: г. Салтыковъ съ громаднымъ успѣхомъ пѣлъ партію Хозе безъ *транспозировки*). Гг. Германъ, Гончаровъ, Ростовцевъ, теноръ (др.), Добровъ и Коринскій. За отсутствіемъ комической старухи это амплуа замѣщается г-жей Ярославлевою, большой полезностью.

Изъ оперныхъ въ товарищество вошла только г-жа Петрова (драм. сопрано), занимающаяся въ Харбинѣ муз. педаг. Дирижируетъ г. Сирота, администраторскія обязанности по прѣжнему остались за опытнымъ, распорядительнымъ Г. Г. Шишкинымъ.

Д. Рамле.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. А. А. Левицкій, снявшій на слѣдующій сезонъ театръ въ Перми, съ обязательствомъ дать полъ сезона драму и полъ сезона оперу, чтобы имѣть городъ для обмѣна труппъ, снялъ въ Екатеринбургѣ концертный залъ Маклецкаго, перешедшій въ другія руки, число мѣстъ будетъ въ немъ увеличено до 1500. Новые владѣльцы обязались окончить перестройку зданія къ 1 сентября. Теперь Екатеринбургъ будетъ имѣть въ центрѣ города прекрасный каменный театръ, и народный домъ (Верхъ-Исетскій театръ) будетъ обращенъ въ аудиторію для лекцій, потому что никакая антреприза не рискнетъ взять это помѣщеніе подлѣ театральныя представленія, разъ въ центрѣ города будетъ безопасный и хороший театръ. Самъ городъ съ постройкой новаго театра тоже спѣшитъ теперь не будетъ, потому что залъ Маклецкаго, можетъ еще нѣсколько лѣтъ вполне обслуживать нужды города.

Теперь, когда зданіе народнаго дома окончило свою роль городскаго театра, своевременно будетъ сказать нѣсколько словъ о бывшемъ предсѣдателѣ екатеринбургскаго попечительства народнаго трезвости г. Веселовѣ, нынѣ устраненнаго отъ этихъ обязанностей, одновременно съ вынужденнымъ уходомъ его съ должности члена окружнаго суда за принадлежность къ партіи Народной свободы. Г. Веселовъ цѣлыхъ 11 лѣтъ посвятилъ Народному дому въ Екатеринбургѣ и только благодаря ему Домъ принялъ его нынѣшній приличный видъ и служилъ дѣйствительно чисто просвѣтительнымъ цѣлямъ. Добромъ вспомнятъ всѣ г. Веселова, какъ предсѣдателя мѣстнаго попечительства о народнаго трезвости.

ВИТЕБСКЪ ГУБ. Народный домъ снятъ антрепренеромъ Н. А. Горскимъ. Дѣла очень хорошія. Составъ труппы: г-жа В. Н. Пирамидова,—героиня и грандъ-кокетъ, А. А. Свѣтлова—енужно драм. и комикъ, Е. В. Новицкая—ком. и драм. старуха, Е. В. Мочалова—грандъ-дама и бытовая, З. Н. Горская—2 роли и субретка. Мужской персоналъ: Б. Н. Антоновъ—любовникъ-неврастенникъ, Н. А. Горскій—комикъ-резонеръ и характерный, А. Н. Львовъ—резонеръ, Ф. М. Волгинъ—комикъ, В. Н. Соболевъ—2-й резонеръ, Тиртовъ—пом. режиссера и др. Въ сезонъ были сыграны: „Соколы и Вороны“, „Блудный сынъ“, „Семнадцатилѣтніе“, „Привидѣнія“, „Бѣдность не порокъ“, „Непогребенные“, „Грядущій разсвѣтъ“, „Преступленіе и наказаніе“, „Казнь“, „За монастырской стѣной“, „Двѣ сиротки“, „Въ городѣ“, „Мятежникъ“, „Трудъ и капиталъ“, „Сельмая заповѣдь“, „Еврей“, „Шерлокъ Холмсъ“ (два раза), „Дьяволъ“, „Клятва“, „Рабочая слободка“, „Жиловка“.

Мы слышали, что г. Горскій на лѣто снялъ садъ и предполагаетъ выстроить театръ, гдѣ будетъ подвизаться драма, фарсъ и оперетта.

Театрал.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Въ началѣ сезона публика недовѣрчиво отнеслась къ труппѣ П. П. Медвѣдева.

Но по прошествіи двухъ-трехъ недѣль, когда рядомъ поставленныхъ спектаклей, труппа П. П. Медвѣдева, заявила себя вполне серьезной и показала себя съ самой лучшей стороны. Владикавказскіе театралы, незамѣтнымъ для себя образомъ, перенесли свои симпатіи на сторону антрепризы П. П. Медвѣдева.

За одинъ мѣсяцъ было взято П. П. Медвѣдевымъ 8,000 р., въ то время когда общій оборотъ за весь зимній сезонъ во Владикавказѣ, всегда колеблется отъ 24 до 26 тысячъ. Было взято за праздники 5½ тысячъ рублей, при утреннихъ и вечернихъ битковыхъ сборахъ. Такой удачный матеріальный успѣхъ выпадаетъ на долю П. П. Медвѣдева, вполне заслужено.

Изъ женскаго персонала заслуживаютъ быть отмѣченными г-жа Л. И. Бронская, (амплуа драматическихъ героинь) артистка съ большимъ дарованіемъ, съ эффектными сценическими данными. Симпатіи публики раздѣляетъ и г-жа Н. Ф. Сербская (амплуа *ingéne dramatique* и *grand-soûq.*) артистка прекрасно держится на сценѣ. Г-жа М. А. Миккульская (комич. стар.) артистка съ большой сценической опытностью Молодая, но серьезная актриса на роли *ingéne comique* г-жа М. Г. Смирнова. Недурно справляется съ нѣкоторыми характерными ролями г-жа Л. П. Хвалынская. Къ сожалѣнію очень рѣдко выступаетъ Е. П. Медвѣдева. Она выступала въ „Плодахъ просвѣщенія“ (г-жу Звѣдницеву), въ „Горѣ отъ ума“ (графіну

бабушку, мать въ „Семьѣ Аркаша-новыхъ“ и Анну Андреевну въ „Реншарфъ“. Б. Н. Деметъевъ (герой-любовникъ) артистич. темпераментомъ, серьезно относящійся къ своимъ ролямъ; роли бытовыхъ любовниковъ удаются больше, нежели салонныхъ. С. С. Рассатовъ (характерныя и отвѣтственныя роли, болѣе пожилого типа) съ большимъ дарованіемъ. Даровитымъ актеромъ слѣдуетъ считать С. П. Аксенова, которому хорошо удаются роли характерныя и резонера, для ролей фатовъ въ которыхъ г. Аксеновъ нѣсколько разъ выступалъ, онъ слишкомъ тяжеловѣтъ.

Замѣтная величина въ труппѣ, сравнительно еще молодой актриса В. В. Истомина-Кастровская; любить иногда „пересаживать“, что нравится „ранку“. Играетъ неврастениковъ, престоиковъ, комиковъ и нѣкоторыя характерныя роли.

Рѣдко, но выступаетъ и антрепренеръ П. П. Медвѣдевъ; его появленіе на сценѣ всегда сопровождается восторженными приёмами публики, сильно любящей его какъ актера и безпрестанно ронцающей, за столь рѣдкое его появленіе на сценѣ.

Весьма сожалѣть приходится объ отсутствіи актера на амбуа салонныхъ любовниковъ, въ которомъ всегда замѣтна необходимость и что порою сильно мѣшаетъ ансамблю.

Слѣдуетъ отмѣтить еще совсемъ начинающаго молодого актера А. В. Лушкова; въ рубашечныхъ роляхъ уже теперь начинаетъ обращать на себя своей игрой серьезное вниманіе; артистич. съ данными, но нуждающійся въ серьезномъ школѣ.

Не мало трудовъ, выпадаетъ на долю режиссера М. Е. Евгеньева, всегда старательно облагораживающаго сцену.

Въ репертуарѣ включены всѣ новинки за послѣднее время были поставлены: „Вояка“ (2 раза), „Черныя вороны“ (4 раза, спектакли прошли съ аншлагомъ), „Красотка съ дивными глазами“, „Разрушенный храмъ“, „Убѣжище“, „Жена мистра“, „Воръ-любителъ Рафилъ“, „Хорошенькая“ и еще нѣкоторыя другія.

Назначенная къ постановкѣ въ бенефисъ режиссера М. Е. Евгеньева пьеса „Пробужденіе весны“, администраціей снята съ репертуара.

Была также поставлена пьеса „Жизнь Человѣка“, давшая для перваго спектакля полный сборъ, но за то второй разъ сборъ былъ ниже удовлетворительнаго, что объясняется уже слишкомъ незатѣливой постановкой.

Прошелъ цѣлый рядъ театральныхъ именинъ: перваго прошелъ бенефисъ г-жи Л. И. Бронской, поставившей пьесу „Хасюсъ“, г-жи Н. Ф. Сербской — „Балерина“, г-жи М. А. Микульской — „Таланты и поклонники“, г-жи Смирновой — „Хорошенькая“, г. П. П. Медвѣдева — „Свадьба Кречинскаго“ г. Рассатова — „Кручина“ г. Аксенова — „Смѣхъ Солнце“ г. Деметъева — „Укрощеніе строптивой“, г. Истомина-Кастровскаго — „Отмѣтка въ поведеніи“ и режиссера г. М. Е. Евгеньева, поставившаго, вмѣстѣ „Пробужденіе весны“ — „Разрушенный храмъ“. Бенефициантовъ публика принимала весьма сердечно, при чемъ были и подношенія, 17-го января прошелъ второй бенефисъ г-жи Л. И. Бронской, шла пьеса „Татьяна Рѣпина“ съ бенефицианткой въ роли „Рѣпиной“.

А. А. Гротъ-Штейнъ.

НАЛУГА. Въ настоящее время, когда сезонъ близится къ концу можно сдѣлать приблизительно вѣрную оцѣнку театральнаго дѣла въ Калугѣ.

Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить несомнѣнный успѣхъ какъ матеріальный, такъ и въ особенности моральный. Если по началу сезона среди публики царилъ расколъ, доходившій до кружковыхъ демонстрацій главнымъ образомъ въ отношеніи премьеровъ (г-жа Шейндель и г. Тольскій), то въ данный моментъ все сгладилось и для публики, довольно усердно наполняющей театръ, сталъ очевиднымъ, что подборъ артистовъ слѣланъ г. Мюрюлюбовымъ очень удачно.

Такого ансамбля и такой добросовѣстной инсценировки пьесъ у насъ давно не было.

Крупнѣйшихъ звѣздъ, блестящихъ талантовъ въ труппѣ нѣтъ, но въ ней есть большія художественныя силы, какъ гг. Вѣлоконъ, Ланкъ, Петровскій, Сверчковъ, Тольскій и г-жи Шейндель и Діанна. Есть очень даровитые артисты, какъ гг. Злобинъ, Простова, Захревскій и г-жи Вѣлова, Вѣлозерская и Пальмина и рѣшительно въ труппѣ нѣтъ ничтожества, которая вносила-бы диссонансъ, которая мозолила-бы глаза своей бездарностью. Воздерживаемся отъ болѣе детальной оцѣнки артистовъ. Замѣтимъ лишь, что въ то время, какъ въ отношеніи большинства изъ нихъ установилась опредѣленная и прочная репутация, въ отношеніи премьеровъ г-жи Шейндель и г. Тольскаго публика не сходится во взглядахъ. Однимъ они нравятся, другимъ нѣтъ; одни превозносятъ ихъ до небесъ, другіе готовы развѣнчать до ординарности. Какъ всегда, правда лежитъ по срединѣ. На нашъ взглядъ оба они талантливы, особенно г-жа Шейндель съ ея всегда умной, тонко-выразительной и очень нервной игрой, но у нея слабыя голосовыя средства и однообразная мимика, съ постояннымъ опусканіемъ угловъ рта. Г. Тольскій артистич. съ большимъ темпераментомъ; у него есть всѣ данныя для героевъ-любовниковъ, но играетъ онъ не всегда равно, не всегда одинаково. Онъ безусловно хорошо когда не переигрываетъ и не вноситъ

въ игру крикящихъ нотъ. Но такъ какъ онъ не всегда вдумчиво относится къ ролямъ, повторяя одни и тѣ-же жесты, интонацію и своеобразную читку, то получается впечатлѣніе однотонности. Этому артисту, при его бесспорномъ дарованіи, нужна болѣе чѣмъ кому-либо другому неустанная работа надъ собою.

Материальный успѣхъ можно считать блестящимъ. До свѣтокъ вѣлового сбора было 16,000 руб. За праздники на кругъ взято по 715 руб. Завершеніе сезона также обѣщаетъ дать хорошіе сборы. Но бенефисы отчаяніи плохи. За сто рублей взяли только г. Ланко-Петровскій, премьеры нѣсколько десятковъ рублей, а прочіе рѣшительно ничего.

„Черныя вороны“, „Жизнь Человѣка“ и даже „Пробужденіе весны“, по независящимъ отъ дирекціи обстоятельствомъ не увидѣли свѣта канужской рампы. Фарсы успѣхомъ не пользуются. Наибольшій успѣхъ имѣли пьесы вѣлныя. Происходило проишло зѣхъ Наиденовскій „Дѣти Ваноинки“ и „Свѣтъ“. Очень неудачно проведена трилогія А. К. Толстого. Хорошіе сборы сдѣлать „Орленокъ“ и также совѣтъ видѣхъ поставленная новинка „Жизнь падшей“.

А. М. Семетовъ.

НОВГОРОДЪ. Праздничная репертуаръ городского театра состоятъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Варяги-помѣщики“, „Жизнь Человѣка“, „Брандъ“, „Туннель“, „Варяги“, „Цѣна жизни“, „Огарки“, „Счастливецъ“, „Хорошенькая“, „Честный человѣкъ“ (бенеф. Дм. Ал. Новскаго) и „Красотка съ чудными глазами“. Одинадцать спектаклей дали вѣлового сбора 2154 р. 19 к., что (при вечерномъ расходѣ въ 770 р.) составляетъ 67 коп. на рубль. Первые четыре изъ указанныхъ пьесъ были повторены. Театру приходилось считаться съ обычными индивидуальными увеселеніями въ двухъ мѣстныхъ клубахъ и двухъ вечернихъ Собранійхъ (сенокъ, вечера, маскарады и т. п.), въ болѣе частыхъ случаяхъ переюженіи публикой. Бенефисъ г. Носкаго прошелъ, при повышенныхъ цѣнахъ на мѣста, весьма удачно; бенефициантъ, какъ хорошій артистич. имѣлъ заслуженный успѣхъ.

На аренду театра въ будущемъ зимнемъ сезонѣ выхотѣ въ Городской Управѣ уже три предложенія. Предлагается нѣкоторыя измѣненіе кондцій по слачу театра.

КИШИНЕВЪ. Срокъ аренды театра Благороднаго Собранія напѣвшимъ уполномоченнымъ дирекціи Собранія г. Вискеромъ кончается въ текущемъ году. Сверхъ всякаго ожиданія, претендентовъ на снятіе театра явилось на этотъ разъ нѣсколько лицъ, и въ ихъ числѣ антрепренеры труппы одесскаго городского театра г. Никулитъ, нашей „Благородки“ г. Смирновъ, артистка г-жа Диврова и др. Дирекція Благороднаго Собранія, понимая, что склоняется въ сторону прежняго своего уполномоченнаго г. Вискера. Во всякомъ случаѣ, дѣло слачи этого театра не обошлось безъ шума и азарта и гел. очень серьезнаго вниманія мѣстной прессы.

Сборы труппы г. Смирнова въ послѣднее время замѣтно пали. „Иллюзіоны“ же и циркъ, на аренѣ котораго еженемерно происходитъ борьба между „бесконкурентной“ атлетикой Луръ и „геркулеской“ Цвѣтковой, благоденствуютъ. Такой индифферентизмъ къ драмѣ объясняется чрезмѣрной продолжительностью сезона, съ одной стороны, и крайней неровностью репертуара, съ другой. Не обошлось, конечно, и безъ вліянія десятковъ благотворительныхъ спектаклей и лотерей-аннегри. Выдвинуты изъ кармановъ обывателей не менѣе 20—25 тысячъ.

По просьбѣ г. Смирнова, позволяю себя внести нѣкоторыя поправки къ помѣщеннымъ въ журналѣ замѣткамъ изъ Кишинева. Такъ въ замѣткѣ „По провинціи“ (№ 46, 1904 г.) было сказано, что „первая“ постановка „Черныхъ вороновъ“ ознаменовалась скандаломъ: метаніемъ на сцену селедокъ, огурцовъ и проч. и что пьеса „снята съ репертуара“. Скандаломъ „ознаменовалась“ не первая, а третья постановка пьесы и только послѣ третьей, а не первой постановки она была снята съ репертуара.

Въ корреспонденціи же г. Сиды (№ 3, 1908 г.) авторъ перечисляетъ всѣ рѣшительно пьесы сезона и говоритъ, что состоялся одинъ лишь бенефисъ г. Жларскаго и намѣченъ бенефисы г-жи Дивровой и г. Ланскаго, тогда какъ въ действительности уже состоялись бенефисы г-жи Дивровой (одинъ), Сарачевой, Зарѣцкой, Ардаловой, Побѣдовой и гг. Лирскаго-Муратова, Семёнова-Самарскаго и др. Кроме того, сказано, что въ бенефисъ г-жи Дивровой намѣчена „Марья Ивановна“, тогда какъ эта пьеса прошла уже рядовымъ казеннымъ спектаклемъ. Въ томъ же номерѣ въ замѣткѣ „По провинціи“ сказано, что 15-го января „въ бенефисъ г. Горбатова“ была поставлена „Религія красоты“ Велекнида. Бенефиса г. Горбатова не было и не будетъ, такъ какъ онъ отъ бенефиса отказался, пьеса же „Религія красоты“ идетъ 27-го января обыкновеннымъ спектаклемъ.

Дот-Валлио.

